

Международная Объединенная Академия Наук

**Научные тенденции:
Филология, Культурология,
Искусствоведение**

Сборник научных трудов

**по материалам
IX международной научной конференции**

26 декабря 2017 г.

SCIENCEPUBLIC

Санкт-Петербург 2017

УДК 001.1
ББК 60

Н34

Научный диалог: Филология, Культурология, Искусствоведение. Сборник научных трудов, по материалам IX международной научно-практической конференции 26.12.2017 г. Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. – 36 с.

SPLN 001-000001-0229-FF
DOI 10.18411/spc-26-12-2017
IDSP 000001:spc-26-12-2017

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на IX международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Филология, Культурология, Искусствоведение**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublicru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0229-FF

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ	4
Журавлева А.А., Марченко С.Е. Научно-популярный подстиль в немецком языке	4
Коробкова Т.В. «Широк русский человек...» (на материале цикла В.А. Пьецуха «Плагат»)	6
Лалова Т.И. О преподавании французского языка «с нуля» студентам технических специальностей	8
Потёмкина Е.В. История развития концепции «Словаря языка Достоевского»: от символа к тезаурусу	12
Шокиров Ш.И. Вопросы перевода с одного языка на другой лексем с семантикой «кўз» (глаз) в английском и узбекском языках	19
РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	25
Галанин С.Ф. Газетная реклама как исторический источник для изучения культурной жизни Казани второй половины XIX века.....	25
Кузьмина С.Н. Зооморфный код культуры в якутских сказках	27
Шильникова О.Г. Региональная литературная журналистика в актуальном научном дискурсе	32

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ

Журавлева А.А., Марченко С.Е.

Научно-популярный подстиль в немецком языке

*Донской государственный технический университет
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/spc-26-12-2017-01

idsp: 000001:spc-26-12-2017-01

Мы с самого детства и на протяжении всей своей жизни ставим различные вопросы, касательно окружающего нас мира: Почему небо голубое? Почему жители Австралии не падают с Земли? Как произошла наша вселенная? На первый взгляд, вопросы могут показаться не такими уж и сложными, но если начать в них разбираться, то голова может пойти кругом. А все почему? Потому что ответами на эти вопросы занимаются сложные для понимания науки, как например: физика, математика, химия, космология. Неподготовленному человеку, не имеющему в этих науках глубоких знаний, чтение специальной литературы данных областей – непосильная задача.

Хочется процитировать слова одного великого физика-теоретика современности, популяризатора науки Стивена Хокинга: «Кто-то сказал мне, что каждое уравнение, которое я включаю в книгу, сокращает продажи в два раза» [5]. И это действительно так. Видя бесконечное количество формул, человек сильнее запутывается и вовсе теряет интерес и мотивацию к изучению поставленных вопросов. Специально для таких людей и существует научно-популярная литература. Давайте же познакомимся поближе с этим «спасательным кругом в океане любознательности», а именно научно-популярным подстилем и его особенностями в немецком языке.

Итак, нетрудно догадаться, что основной целью научно-популярного подстиля является передача сложных, наполненных специальной терминологией, формулами, схемами, научных и научно-технических текстов доступным, понятным языком для читателей без определенной специальной подготовки. К текстам научно-популярного подстиля могут относиться эссе, лекции, очерк, статьи в периодическом издании, текст кинофильма и многие другие жанры [2].

Какими же особенностями обладает данный подстиль? Необходимо отметить, что в первую очередь тексты научно-популярного подстиля должны передавать достоверную и объективную информацию, таким образом сохраняя основные характерные черты научного стиля, а именно: объективность (*Sachlichkeit*) и логичность (*Logik*), ясность (*Klarheit*) и конкретность (*Fassbarkeit*) [1].

В то же время, эти тексты рассчитаны на широкий круг читателей, именно поэтому когнитивная информация может сочетаться с эмоциональной, дабы сделать тексты интереснее и «ближе» читателю, который «далёк» от науки. Кроме того, основной характеристикой научно-популярных текстов является: 1) Художественность, предполагающая проблемность изложения, варьирование типов речи (описания, повествования, рассуждения) и точек зрения, использование различных приемов воздействия, тропов и фигур, средств диалогизации и установления контакта с аудиторией. 2) Своеобразие популярного изложения обусловлено парадоксальной природой объяснения. Это не то же самое, что определение, в основе которого лежит формальная логика доказательства [3].

С первой характеристикой все более или менее понятно. К примеру, в отличие от научного стиля, в научно-популярном подстиле нередко можно встретить олицетворение или метафоры, различные средства художественной выразительности, обращение к читателю или цитирование диалогов. Например, в научно-популярной книге Стивена Хокинга можно найти пример таких диалогов: *Als der Vortrag beendet war, stand hinten im Saaleinekleinealte Dame auf und erklärte: «Was Sie uns da erzählthaben, stimmt alles nicht. In Wirklichkeit ist die Welt eine flache Scheibe, die von einer Riesenschildkröte auf dem Rücken getragen wird.» Mit einem überlegenen Lächeln hielt der Wissenschaftler ihr entgegen: «Und worauf steht die Schildkröte?»*[4] / Когда лекция закончилась, в конце аудитории поднялась маленькая пожилая леди и заявила: «Все, о чем мы говорили, ерунда. На самом же деле наш мир – плоская тарелка, которая стоит на спине гигантской черепахи». Снисходительно улыбнувшись, ученый спросил: «А на чем держится черепаха?».

Что касается второй характеристики, то здесь абсолютно нет ничего сложного. В научных текстах мы часто сталкиваемся с непонятными определениями или терминами, для которых нет никаких пояснений. И это понятно почему – автор рассчитывал на читателей из своей области, или хотя бы тех, кто не падает в обморок, услышав словосочетание «теория относительности». Для тех же, кто все-таки падает в обморок, и есть наш научно-популярный подстиль. Еще одной его характерной чертой является то самое пояснение к терминам или определениям. Возьмем, к примеру, первый закон Ньютона. Нет, нет, не надо падать в обморок. Первый текст – оригинал закона (для знатоков) и второй текст – из той же научно-популярной книги «Краткая история времени» нашего уважаемого ученого:

1. «Ein Körper verharrt im Zustand der Ruhe oder der gleichförmig geradlinigen Bewegung, sofern nicht durch wirkende Kräfte zur Änderung seines Zustands gezwungen wird». / Если на тело не действуют силы или их действие скомпенсировано, то данное тело находится в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения.

2. «Wenn in Galileis Experimenten ein Körper den Abhang hinunterrollte, wirkte stets dieselbe Kraft auf ihn ein (sein Gewicht), mit dem Effekt, daß seine Geschwindigkeit konstant zunahm. Dies zeigte, daß die wirkliche Wirkung einer Kraft stets darin besteht, die Geschwindigkeit eines Körpers zu verändern, ihn also nicht nur in Bewegung zu versetzen, wie man früher gedacht hatte. Und es bedeutete zugleich, daß ein Körper, auf den keine Kraft einwirkt, sich in gerader Linie und mit gleicher Geschwindigkeit fortbewegt[4]. / В экспериментах Галилея на тело, катящееся по наклонной плоскости, всегда действовала одна и та же сила (вес тела), и в результате скорость тела постоянно возрастала. Отсюда следовало, что в действительности приложенная к телу сила изменяет скорость тела, а не просто заставляет его двигаться, как думали раньше. Это означало также, что если на тело не действует сила, оно будет двигаться по прямой с постоянной скоростью.

Первое, что бросается в глаза – объем. Первый текст короткий, конкретный и... непонятный. Во втором же Стивен Хокинг дает развернутое определение, ссылаясь на эксперимент Галилея, чтобы читатель мог мысленно представить данный закон.

Итак, мы рассмотрели научно-популярный подстиль на основе немецкоязычной литературы. Как мы с вами увидели, данный подстиль действительно является «спасательным кругом в океане любознательности». Благодаря ему мы можем с вами быть в курсе всех событий в мире современной физики, космологии, биологии и любой другой науки! Быть может, кто-то после прочтения научно-популярной книги по

термоядерной физике найдет свое призвание и станет физиком-экспериментатором. Такое может быть. Ведь каждая прочитанная книга это новая ступенька на бесконечной лестнице знаний. И она действительно бесконечная, ведь как сказал великий Сократ: «Я знаю, что ничего не знаю». Чем больше мы узнаем нового, тем больше у нас появляется новых вопросов. Читайте и развивайтесь!

***

1. Захарова, Е.А. Стилистика немецкого языка: учебное пособие / Бузулукский гуманитарно-технолог. ин-т (филиал) ОГУ. – Бузулук, 2013. – 156 с.
2. Мареева Н. А. Функциональные стили речи: учебное пособие – 2011. – 32 с.
3. Одинцов В.В. Речевые формы популяризации – М.: Знание, 1982. – 80 с.
4. Stephen Hawking, Eine kurze Geschichte der Zeit – 2011. – 238 S.
5. Стивен Хокинг: цитаты, афоризмы и высказывания [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://citaty.info/man/stiven-hoking>

Коробкова Т.В.

«Широк русский человек...» (на материале цикла В.А. Пьецуха «Плагат»)

*Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова
(Казахстан, Актобе)*

doi: 10.18411/spc-26-12-2017-02

idsp: 000001:spc-26-12-2017-02

В последнее время в литературе и публицистике все чаще ставится вопрос о месте русского человека в мировом культурно-историческом пространстве. «Загадочность» русского народа состоит прежде всего в его непохожести и непредсказуемости. Совершенно справедливо пишет о русском национальном характере известный российский писатель и публицист В.А. Пьецух: «это тайна, и превеликая, которой литература будет заниматься бесконечно...» [1, 7].

К одной из основных черт русского характера, которую единогласно выделяют в своих трудах такие известные философы, как: и Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Д.С. Лихачев, – можно отнести отсутствие чувства меры (крайний максимализм). По мысли Н.А. Бердяева [2], а вслед за ним и Д.С. Лихачева [3], данная черта русской ментальности возникла (мы придерживаемся той же точки зрения) как следствие «шири пространства» России. Н.О. Лосский же считает, что причина кроется в глубокой религиозности русского человека [4]. Следует отметить, что русскому народу не свойственно чувство меры, он не знает «золотой середины», и зачастую его максимализм перерастает в фанатизм. Объясняя черты характера, вытекающие из русского максимализма, Ф.М. Достоевский писал: «Широк русский человек, надо бы его сузить» [5, 378].

Ничего не делающий наполовину россиянин бросается из одной крайности в другую: может до безумия любить и тут же до скрежета в зубах ненавидеть, работать до смерти и вгонять себя и семью в нищету бездельем, может, веселясь или горюя, пропить все, чем обладал. Д.С. Лихачев справедливо писал: «Россия, благодаря этой своей черте, всегда находилась на грани чрезвычайной опасности» [3].

Писатели, отражая в произведениях эту удивительную черту русской ментальности, создали целую галерею образов, иллюстрирующих чрезмерность поступков и чувств своих соотечественников. Многие мастера слова выделяют эту черту как определяющую русского человека. Яркими примерами отсутствия чувства меры, неумения вовремя остановиться являются такие герои русской классической литературы, как: Самсон Вырин из «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина;

Катерина Измайлова из «Леди Макбет Мценского уезда» и Илья Федосеевич из «Чертогона» Н.С. Лескова; Ноздрев, Манилов, Плюшкин из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя и др.

Нашла отражение эта черта характера и в персонажах цикла «Плагиат» современного российского прозаика В.А. Пьецуха. Так на страницах цикла мы встречаем героев, которым свойственна чрезмерность. В «Новейшей истории города Глупова» В.А. Пьецух иронично замечает: «подвержен наш брат русак крайностям, и все тут, вот любит он, чтобы «или грудь в крестах, или голова в кустах», и поди растолкуй ему о достоинствах умеренности и благодати «золотой середины» [6, 90].

Лютиков из рассказа «Демонстрация возможностей» настолько увлечен накоплением денег на подержанный автомобиль, что не замечает, как опустошается его душа, как из его жизни исчезают любимые люди и он сам опускается на материальное и моральное дно. Способы экономии Юрия Петровича настолько чрезмерны, что вызывают чувство неприязни к герою: читал газеты из мусорного бака, для продления срока службы веника вымачивал его в воде, носил «онучи из жениных тряпок», зимой ходил по обочинам, чтобы подошву не разъедала соль, посыпанная на улицы [6, 39].

В повести «Детство» В.А. Пьецух рисует картины безудержного пьянства, которому подвержены соседи главного героя: «... по праздникам безобразно пьянствовали под гармошку», а как следствие пьяный «военный летчик Сергей Ковалев два раза в неделю гонялся с ножом по улице за своей Клавдией Ковалевой» [6, 8]. О том, что «русак» не знает меры в употреблении спиртного в цикле говорится неоднократно: «он (о русском человеке) даже в отношении напитков забубённый радикал» [6, 112]. Золотодобытчики из рассказа «Крыжовник», отмечая рождение у одного из них сына, «отличались в ресторане, словно в последний раз» [6, 83]. После случайного застолья с ними жизнь Саши Петушкова круто меняется, потому что он из комсомольского вожжа превращается в бича.

Впадает в крайности русский человек и по отношению к власти: он то ее любит до возвеличивания, то ненавидит до кровопролития. О чрезмерном почитании власти В.А. Пьецух саркастично пишет в повести «Новейшая история города Глупова». Особенно ярко это видно в эпизоде, посвященному градоначальнику Стрункину, который, придя к власти, «перестрелял всех острожников» и «уничтожил уголовную преступность, как таковую» [6, 101]. Преклонение перед ним, проявившееся в «форменной любви», доходит до абсурда и приводит к переименованию его именем в Глупове не только площади, проспекта, улицы, но даже тупика [6, 108].

Как возносят на пьедестал чрезмерного почитания, так же легко русские совершают кровавые преступления против власти. Русский народ, «легко воспламеняющаяся фигура, кстати и некстати движимая восторгом губительного накала»: глуповцы «единогласно приговорили Штукина к смертной казни» [6, 90], при том, что незадолго до этого восхищались им.

Все в русском человеке с размахом, чрезмерно. Отсутствие чувства «золотой середины» приводит к постоянным перекосам, так результатами начитанности глуповцев стали их «книжно узнаваемые» поступки: то «жена одного купца бросится под маневренную «кукушку» из-за любви», то «некие молодые люди с топорами наголо гоняются за старушками» [6, 92].

Как очередной перекосом можно расценивать и то, что «русак» любое руководство к действию, приказ воспринимает буквально и усердствует в их выполнении чрезмерно. В цикле «Плагиат» В.А. Пьецух неоднократно рисует атмосферу доносов.

Кто-то из его героев, например, Серпеев из рассказа «Наш человек в футляре», становится жертвой клеветы, а кто-то сам занимается наговором, как учителя из того же произведения. В бывшем СССР доноительство приобрело такой размах, что было возведено в ранг человеческой добродетели. Иронично создаются картины рьяного выявления глуповцами «тайных саботажников, явных недоброжелателей». Пострадали сто пятьдесят человек, «враждебно настроенных», и читатель понимает, что это только начало репрессий [6, 93].

Даже когда русский человек знает, что ему не поздоровится, он идет напролом, с завидным упорством пытаясь осуществить задуманное. В этом отношении показательна история братьев Милославских, которые решили нести просвещение в невежественные массы мужиков, за что до крови были избиты. Но и после этого братья не оставляют начатое дело, т.к. «ребята они были настырные, и если за что брались, то до крови из-под ногтей» [6, 93].

Таким образом, В.А. Пьецух в цикле «Плагиат» акцентирует внимание читателей на склонности русских к крайностям, которая довольно часто приводит к трагическому концу.

***

1. Пьецух В. Москва, Санкт-Петербургский вариант // Литературная газета. – 17 мая 1989. – № 20. – С. 7
2. Бердяев Н. О власти пространства над русской душой. // Судьба России. – М., 1918.
3. Лихачев Д. С. О национальном характере русских. Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3-6.
4. Лосский Н.О. Характер русского народа. – Frankfurt am Main/Deutschland: Посев. – 1957.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 6.
6. Пьецух В.А. Плагиат. – М.: Глобулус, ИЦ ЭНАС, 2006. – 304 с.

Лалова Т.И.

О преподавании французского языка «с нуля» студентам технических специальностей

*Российский университет транспорта (МИИТ)
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/spc-26-12-2017-03

idsp: 000001:spc-26-12-2017-03

Аннотация

Статья посвящена проблемам лингвистической подготовки студентов неязыковых ВУЗов. Речь идет о преподавании нового иностранного языка «с нуля» (в данном случае французского), отличного от изучаемого в школе (чаще всего английского). В статье анализируется законодательная сторона вопроса об участии студента в формировании содержания своего образования, методика и особенности обучения другому иностранному языку в Российском университете транспорта (МИИТ) с учётом требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования 3++ и профессиональных стандартов. Рассматриваются цели и задачи обучения иностранному языку, отраженные в Рабочей программе по дисциплине «Иностранный язык». Делается вывод о роли иностранных языков в становлении молодых людей хорошими профессионалами, а также всесторонне развитыми, высокообразованными личностями.

Ключевые слова: иностранный язык, методика преподавания, образовательные стандарты, обучение иностранному языку «с нуля» студентов технических специальностей, высокообразованная личность.

Abstract

The article is devoted to linguistic preparation of the students of non-linguistic universities. It describes the educational process of teaching students of the beginner level a new language (in this case French), which differs from the language they study at school (most often English). The article analyses the legal side of the students' participation in making up the content of their education, methods and peculiarities of acquiring a foreign language at Russian University of Transport (МИИТ) according to the requirements of the Federal state educational standard of higher education 3++ and professional standards.

We discuss the goals and objectives of teaching a foreign language, included in the educational programme on discipline "Foreign language". The article presents the conclusion about the role of foreign languages that contribute to further professional development of young people and their becoming of broad-minded and highly-educated personalities.

Key words: a foreign language, methods of teaching, educational standards, teaching a foreign language for the beginner students of technical specialities, a highly-educated personality.

Происходящие в наши дни изменения в содержании подготовки будущих инженеров направлены на формирование не только высококлассного специалиста, но и широко образованного человека, на развитие его творческой инициативы, его конкурентоспособности и его мобильности. В современных условиях молодой специалист – выпускник неязыкового ВУЗа все больше и больше должен быть готов к установлению межкультурных научных и профессиональных связей, развитию деловых контактов, изучению зарубежного опыта в определенной области, участию в международных конференциях. Для этого ему просто необходимо владеть иностранными языками. Среди требований к выпускнику со стороны работодателей зачастую знание иностранных языков стоит на втором месте после профессиональной подготовки, опережая компьютерную грамотность. Поэтому проблема изучения иностранных языков в неязыковых вузах сегодня особенно актуальна и важна.

При этом необходимо отметить, что изучение иностранных языков чаще всего предполагает изучение английского, так как в настоящее время английский язык является самым распространенным средством межкультурной коммуникации, а также занимает лидирующие позиции среди иностранных языков, преподаваемых в средней школе. По этой же причине владение английским языком сегодня не является чем-то редким или исключительным. Поэтому, а также из-за усиливающейся конкуренции на рынке труда, знание одного английского языка может оказаться недостаточным для получения будущим инженером искомой должности. Другие международные языки также широко распространены и используются в качестве средства коммуникации в мире, а также во многих иностранных и совместных с Россией кампаниях, представленных на территории нашей страны. В связи с этим их изучение и знание могут стать решающими для выпускника в его будущей профессиональной деятельности.

Тут возникает вопрос, правомочен ли студент изучать в ВУЗе новый, отличный от «школьного» иностранный язык? В Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования третьего поколения указывается, что «каждый студент имеет право на участие в формировании содержания своего образования при условии обязательного соблюдения требований государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования» [Федеральный закон..., с. 34, п. 4]. Иначе говоря, преподавание студенту в ВУЗе выбранного иностранного языка, отличного от изучаемого им в школе, не является нарушением законодательства нашей страны. Иная информация по данному

вопросу в вышеуказанных документах не содержится, другими нормативно-правовыми актами Российской Федерации также не регламентируется.

В отношении лингвистической подготовки это означает, что обучающийся сам может решать, продолжать ли ему изучать язык (чаще всего английский), которым он занимался в школе, или начать учительской другой из набора иностранных языков, предлагаемых ВУЗом в рамках образовательной программы. Для последнего ему необходимо написать заявление в учебный отдел института/факультета, указав, какой иностранный язык он хотел бы изучать.

Причины выбора другого – неанглийского иностранного языка могут быть совершенно разными. Существует немало случаев, когда студенты, поступившие в технический ВУЗ, больше увлекались в школе физикой и математикой. Их уровень подготовки по английскому языку как «непрофильному предмету» низкий. Трудности при освоении программы в школе были высокими. Отношение к предмету в этой связи отрицательное. Страх стать неуспевающим из-за нелюбимого предмета большой.

Случается, что учить английский надоедает, поскольку многие изучают его 9-11 лет в школе и сталкиваются с ним постоянно, тогда как другой иностранный язык воспринимается как что-то абсолютно новое, а значит и более интересное.

Есть еще одна категория студентов, которые предпочитают учить другой язык «с нуля». Это те, кто поступил в ВУЗ, имея высокий уровень знаний по английскому. Для таких студентов освоение неизвестного профессионального пласта лексики не представляет никакой сложности и не требует двух лет обучения. Именно их успешный результат при изучении английского языка выступает хорошей мотивацией для изучения другого.

Практика показывает, что почти всегда интерес и мотивация к обучению у студентов, выбравших другой язык, очень высокие. Это можно объяснить следующим:

- Другой иностранный язык изучается с самых азов, что создает студентам равные возможности в освоении предмета. С них не требуется хорошее знание школьной программы для продолжения обучения.
- Изучающий другой иностранный язык уже имеет опыт изучения одного иностранного языка. Этот процесс для него не новый, он его не пугает.
- Изучение второго иностранного языка идет с опорой как на русский, так и на английский языки. Много студент усваивает по аналогии с ними.

Проблемы преподавания в техническом ВУЗе иностранных языков «с нуля» в методической литературе освещаются не очень детально. Обычно указывается, что обучение другому языку происходит по тем же принципам, что и английскому, только в меньшем объеме. Однако на самом деле преподавание нового иностранного языка имеет целый ряд особенностей. Многолетний опыт работы со студентами – будущими инженерами Российского университета транспорта, изучающими французский язык на базе «школьного» английского – позволяет это утверждать.

Прежде всего, речь идет о более высоком темпе (особенно на начальном этапе) освоения учебного материала. В результате студенты, начавшие изучать новый иностранный язык, к концу второго курса осваивают ту же тематику (естественно, в меньшем объеме), что и студенты, которые продолжают заниматься английским. Причин для этого несколько.

1. Не надо изучать новый алфавит. Латинский алфавит студентам уже известен со школы.

2. Звуковой строй осваивается с использованием принципа имитации. Нет необходимости подробно излагать строение речевого аппарата, законы образования различных звуков, участие активных и пассивных органов речи в их образовании. Все эти понятия известны студентам из уроков английского.

3. Система согласных французского языка далека от русской. Несколько объясненных особенностей произнесения французских согласных в большинстве

случаев позволяют студентам не допускать грубых коммуникативных ошибок, мешающих пониманию смысла произносимого отрезка речи. Это же можно сказать в отношении фрикативного звука «Р», представляющего обычно наибольшую трудность. Если не получается его грассировать, можно произносить этот звук так же, как в русском. Ошибки в данном случае не будет, так как переднеязычное «Р» является одним из вариантов соответствующей фонемы. Так же не будет ошибки, но создаст «акцент» придыхание [t], как в английском. Надо отдельно тренировать французское (более близкое с русским) произношение [t].

4. Система французских гласных, особенно с учетом ее современных тенденций, также не представляет больших сложностей для русскоговорящей аудитории. Принимая во внимание тот факт, что оппозиции между полуоткрытыми и полужакрытыми гласными (особенно в разговорном стиле) нейтрализуются, что используется одно «А» и три носовых фонемы вместо четырех, обучение гласным проходит достаточно легко. Необходимо обращать особое внимание на округленные [y] и [oe], а также на правильное произношение носовых гласных. Как и при введении системы согласных, необходимо объяснить особенности произношения гласных во французском языке.

5. Обучение чтению во французском языке идет по существующим строгим правилам. Транскрипцией для этого пользоваться не нужно. В связи с этим, уже на первом занятии обучающиеся самостоятельно по правилам могут прочесть несколько слов, и даже небольшие предложения.

6. Во французском, русском и английском языках имеется большое количество схожих лексических единиц и морфем. В этой связи обучении лексике и понимании нового изучаемого языка становятся более простыми. (Однако следует обращать особое внимание на «ложных друзей», то есть на слова со схожей или даже одинаковой орфографией, но различным значением. Такие пары встречаются при сравнении французского языка как с русским, так и с английским).

7. То же можно сказать и о грамматике. Похожие грамматические конструкции во французском, русском и английском позволяют изучать ее без подробного объяснения правил. Больше того, пока изучаемый материал прост, сложные правила можно вообще не объяснять. Полезнее тренировать наиболее употребляемые лексические и фразеологические единицы, синтаксические конструкции и глагольные формы.

Таким образом, преподавание нового иностранного языка проходит с широким использованием коммуникативной методики, которая как раз предполагает сведение к минимуму изучение сложного теоретического материала и позволяет уделять больше внимания функциональному языку, применяемому в реальных ситуациях коммуникации. Это отвечает положениям, заложенным во ФГОС дисциплины «иностранный язык» в неязыковом вузе о том, что преподавание должно носить коммуникативно-ориентированный, практический характер, «поскольку знания языка имеют для специалистов неязыкового профиля прикладную ценность» [Синицына, с. 151].

Одновременно с этим, согласно тому же стандарту преподавание иностранного языка должно быть профессионально-направленным. То есть специализация студентов, их будущая профессия определяют содержание обучения. Через иностранный язык, преподаваемый на 1-м и 2-м курсах университета, студенты часто получают первые профессиональные знания и навыки. В этой связи следует с сожалением отметить, что в настоящее время есть очень небольшое количество учебников и учебных пособий по французскому языку для студентов технических специальностей, отвечающих требованиям современных образовательных стандартов. Зарубежные издательства не уделяют данному вопросу должного внимания и не выпускают методик для «технарей». Преподаватели российских ВУЗов часто работают по внутренним

узкоспециализированным изданиям, создаваемым и доступным только им самим, так как подобные учебные пособия обычно не поступают в продажу, не выставляются на книжных ярмарках, а так и остаются достоянием одного ВУЗа, а то и одной кафедры.

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что преподавание нового иностранного языка «с нуля» (в нашем случае французского) студентам неязыковых ВУЗов проходит иначе, чем обучение первому «школьному» английскому. Оно коммуникативно, практически и профессионально ориентировано, проходит с опорой на русский и английский языки, его темпы гораздо выше. Методика проведения занятий по второму иностранному языку существенно отличается от методики обучения первому, что очень важно принимать во внимание в процессе лингвистической подготовки студентов неязыкового ВУЗа. Это позволяет выполнить со студентами ФГОС по специальности «Иностранный язык», используя несколько более упрощённую рабочую программу. И если не относиться к проблеме преподавания нового иностранного языка серьёзно, если не мотивировать студентов современными формами и методами преподавания, более значительными окажутся доводы тех, кто полагает, что изучать новый язык в неязыковом вузе «с нуля» это напрасный труд, так как английский язык точно пригодится выпускнику в профессиональной деятельности, а другой – не обязательно.

В последнее время большая часть студентов всех профилей, в том числе технических, осознают важность лингвистической подготовки. Они понимают, что в настоящее время нет такого рода деятельности, в которой знание иностранных языков оказалось бы лишним. Большинство молодых людей стремятся стать не только хорошими профессионалами, но и всесторонне развитыми, высокообразованными личностями. Изучение и владение новыми иностранными языками обязательно внесет свой вклад в осуществление этого стремления.

***

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации». Статья 34, п. 4. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
2. Киреева З. Р., Галимова Х. Х. Особенности обучения французскому языку как второму иностранному на языковом факультете // Филологические науки. Вопросы теории и практики: электрон. многопредм. науч. журн. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47). Ч. I. С. 103-106. <http://www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/23.html>
3. Синицына Т.А. Преподавание иностранного языка для студентов неязыковых вузов. Развитие образования, педагогики и психологии в современном мире. // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Воронеж, 2016. № 3. С. 151.
4. Тенилов С.В., Флеров О.В. Влияние современных педагогических идеалов на обучение иностранным языкам // Вестник Российского нового университета. № 1. М., 2010. С. 95-99.
5. Флеров О.В. Особенности преподавания второго иностранного языка в нелингвистическом вузе // Современное образование. М., 2015. № 1. С. 1-25.

Потёмкина Е.В.

История развития концепции «Словаря языка Достоевского»: от символа к тезаурусу

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/spc-26-12-2017-04

idsp: 000001:spc-26-12-2017-04

Аннотация

Статья посвящена некоторым базовым положениям концепции «Словаря языка Достоевского», а также истории их разработки. Рассмотрена ключевая единица в структуре словаря, обозначаемая термином «идиоглосса». Описана предложенная Ю.Н. Карауловым и И.В. Ружицким методика построения авторского тезауруса на основе выделения символической парадигмы идиоглоссы. На основе анализа

контекстного употребления слова «пожар» предложен фрагмент реконструированного тезауруса Достоевского.

Ключевые слова: Словаря языка Достоевского; языковая личность; тезаурус; символ; идиоглосса; пожар.

Словарь языка Достоевского (далее – СЯД) по своим базовым характеристикам представляет собой словарь тезаурусного типа, так как предметом описания в нём являются лексические единицы, которые несут концептуальное содержание, а точнее, лексические единицы, характеризующие особенности индивидуального стиля (идиолекта) Достоевского. Изначально СЯД предполагался как лексикографическая серия, которая должна была включать несколько типов словарей: базовый, частотный, топонимов, грамматических слов, фразеологизмов и др., – и первым в этом ряду стал словарь «Лексический строй идиолекта». Его словник составили лексические единицы, структурирующие мир языковой личности автора, которые обозначаются термином «идиоглосса». Словарная статья в этом словаре ориентирована на раскрытие мира Достоевского и содержит описание ключевых параметров организации языковой личности. Она включает в себя описание каждого из значений лексикографируемой единицы, описание её в составе собственных имён, фразеологических единиц, пословиц и поговорок. При этом наиболее важным является то, в чём заключается авторская вариация общеязыковых норм. В частности, значения в словарной статье упорядочены так, чтобы отражать функциональную значимость смыслов, от наиболее значимых, к наименее значимым. Всё в словаре подчинено тому, чтобы словник стал «сокровищницей мыслей и художественных образов Достоевского» [СЯД 2001: XVI]. Каждая словарная статья, включённая в идиоглоссарий Достоевского, должна, согласно концепции авторов, нести в себе мощный идеологический заряд.

С точки зрения динамики развития концепции СЯД надо отметить, что «Лексический строй идиолекта» имеет три выпуска. Первый выпуск включает 114 слов из всего алфавита (Ангел – Усмешка), в двух последующих алфавит распределён: второй выпуск содержит слова на буквы А–Л, третий выпуск – М–Я. При этом второй и третий выпуски содержат как идиоглоссы, так и не идиоглоссы, что подчёркивает особенность функционирования первых единиц. Авторы словаря подчёркивают, что при анализе идиолекта писателя нет смысла включать в словник «подряд все лексические единицы, встретившиеся в текстах писателя, поскольку одной из основных функций языкового мышления, определяющей процесс познания в целом, является редуцирование, сведение путём генерализации всего разнообразия слов и смыслов к единому концептуальному ядру» [Караулов, Ружицкий 2015: 16]. Задачей составителей авторского тезауруса, таким образом, является выявить это ядро, так чтобы оно имело порождающий потенциал.

Итак, в отличие от общеязыковых тезаурусов, целью которых является систематизация максимально полной лексической базы в соответствии с семантической природой входящих в неё единиц, словник СЯД включает в себя ограниченный набор единиц, идиоглосс, которые в совокупности составляют идиоглоссарий Достоевского. По определению Ю.Н. Караулова, идиоглоссы – это концептуальные образования, из которых складывается картина мира и которые, соответственно, вбирают в себя специфику авторского стиля. С точки зрения субъективного авторского мировидения они представляют собой «тезаурусо-образующие понятия». По отношению к тексту они выполняют роль ключевых слов, позволяющих воспроизводить в свёрнутом виде содержание конкретного текста; по отношению к авторскому идиолекту – выступают в роли «единиц индивидуального авторского лексикона». Основным критерием выделения слова в качестве идиоглоссы является то, что оно образует в пространстве

текста «точки концентрации смысла, вокруг которых формируются специфические ассоциативные поля» [СЯД 2001:XXXVI].

Как было сказано выше, «Лексический строй идиолекта» должен был стать одним из этапов создания дифференциально-распределительного словаря-серии, однако динамика развития концепции СЯД такова, что авторам пришлось отказаться от первоначального плана. Характер словоупотребления Достоевского потребовал более глубокой проработки структуры и содержания словарной статьи, которая в новой версии должна охватывать большее количество параметров. Для верификации идиоглосного статуса слова была разработана специальная методика, состоящая из шести шагов (см. [Ружицкий 2015: 48]). Обязательным в составе словарной статьи стал Комментарий, включающий в себя зоны, соответствующие трём уровням организации языковой личности: вербально-семантический (морфологические особенности слова, сочетаемость, словообразовательное гнездо и др.), когнитивный (использование в составе афоризмов, в отсылке к прецедентным текстам, тропы, употребление в символическом контексте и др.) и прагматический (иронический контекст, примеры языковой игры и др.). Основываясь на новых теоретических положениях, авторы начали издавать многотомный «Идиоглоссарий» Достоевского. К настоящему времени изданы следующие тома: том первый «А–В» (2008 г.), том второй «Г–З» (2010 г.), том третий «И–М» (2012 г.), том четвёртый «Н–По» (2017 г.). И как логическое продолжение концепции авторского тезауруса, параллельно с процессом составления «Идиоглоссария» авторами СЯД разрабатываются пути составления синоптической части, т.е. той части, которая бы отражала систему взаимосвязи идиоглосс. Разработка данной составляющей любого словаря тезаурусного типа всегда является наиболее сложным этапом, так как требует глубокого осмысления всего объёма представленного в словаре лексического материала с целью представить языковую личность автора в целостности. Стоит подчеркнуть, что такая попытка по отношению к авторскому тезаурусу, а тем более к тезаурусу Достоевского предпринимается впервые.

Исходя из логики концепции СЯД, можно предположить, что в основе систематизации тезауруса должно лежать то, что вмещает в себя базовые для Достоевского смыслы, то, что определило весь творческий путь писателя, от первого до последнего созданного им текста. При этом целесообразно обратиться к высказываниям самого Достоевского, который уже в 1839 г. писал в письме к брату: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Обращаясь же к анализу словоупотребления слова человек в текстах Достоевского, нельзя не заметить, какую роль в них автор отводил размышлениям над этой тайной. Другими словами, идиоглоссарий Достоевского отвечает принципу «конусообразности» любого тезауруса, о которой писал Ю.Н. Караулов, имея в виду, что вершиной, наиболее подробно разработанной (в семантическом отношении) и, соответственно, отправной точкой в лексической базе языка, всегда является именно ЧЕЛОВЕК. Что касается дальнейшего развития ядерной структуры словаря Достоевского, то она определяется, согласно идее авторов СЯД, не как в общеязыковом тезаурусе естественными семантическими связями, существующими в языке (на основе которых в идеографии выделяются семантические сферы, которые дальше делятся на семантические классы, и далее – группы), а особенностями художественного осмысления писателем жизни ЧЕЛОВЕКА.

«Итак, Достоевский определяет человека как тайну, загадку, которую надо разгадать, и которая оказывается зашифрована в его текстах. В качестве инструмента для шифрования смысла как ничто другое подходит символ.

Интерес Достоевского кразличного рода символам неоднократно подчёркивался исследователями <...>. Объясняется это самыми разными причинами, наиболее очевидной из которых представляется стремление автора отразить мир во всех его противоположностях, противопоставить образ, задаваемый символом, логическому сознанию» (что исходит и изэтимологи слова «символ», ср. *греч.* *sýmballo* – ‘соединяю, сталкиваю, сравниваю’). Важнейшим свойством символа является возможность слов с конкретной семантикой в определённом контексте выражать абстрактные значения, именно поэтому у Достоевского символ – это очень часто выход на идею всего произведения. Воспринимая символическую природу текста Достоевского, читатель, переживая «эффект узнавания», устанавливает контакт с автором и испытывает чувство удовлетворения от прочитанного[Ружицкий 2015: 56].

Отталкиваясь от устоявшегося восприятия текстов Достоевского как текстов-загадок, а также принимая во внимание, что именно эффект узнавания символов обеспечивает связь автор-читатель, составители СЯД сделали предположение, что в основу выделения ядерных элементов словаря могут быть положены символические значения. Как отмечает Ю.Н. Караулов, всего лексических единиц, выполняющих у Достоевского функцию символизации, порядка шестидесяти. Среди них авторы СЯД в результате анализа лексикографических данных, полученных при создании «Лексического строя идиолекта» и первых четырёх томов «Идиоглоссария», выделяют помимо символического ядра ЧЕЛОВЕК ещё шестидиоглосс-символов, которые могут составлять у Достоевского амбивалентные пары: ЖИЗНЬ, СТРАХ, ЛЮБОВЬ, БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ, СМЕХ(подробнее см. [Ружицкий 2015]).

С точки зрения методологии составления тезауруса символы являются удобными единицами классификации, т.к. часто складываются в группы, символические парадигмы, которые являются следующим лексикографическим шагом при построении синоптической части словаря, и которые в значительной степени будут отличаться от группировки слов в общеязыковых тезаурусах русского языка. Так, например, по замечанию И.В. Ружицкого, знаковой для языковой мира Достоевского будет группа слов-символов со значением ‘орудие убийства’:ТОПОР, НОЖ, РЕВОЛЬВЕР, ПЕТЛЯ (ШЁЛКОВЫЙ СНУРОК, ГВОЗДЬ), БРИТВА (ОБМОТАННАЯ ШЁЛКОМ), ПЕСТИК, ПРЕСС-ПАПЬЕ, ПИСТОЛЕТ. «Между авторским выбором орудия убийства и персонажем, его совершившим, существует определённая и значимая связь, которая и становится своеобразным дифференциальным признаком значений соответствующих слов-символов»[Ружицкий 2015: 65]. Соответственно, исходя из этой ономаσιологической «связи» слова могут входить в разные концептуальные сферы и «притягивать» к себе разные идиоглоссы.

Такие слова, выступающие в роли символов в текстах Достоевского, как *пожар*, *пламя*, *огонь*будут, скорее всего,исходя из лексикографического анализа, входить в разные группы и, соответственно, концептуальные сферы, тогда как, например, в семантическом словаре Н.Ю. Шведовой они входят в единую группу «Огонь» (общая группа слов: *костёр*, *огнище*, *огонь*, *пал*, *пламя*, *пожар*, *полымя*, *пыл*, *факел*), которая включена на следующей ветви иерархии в семантический класс слов «Космос. Земля. Природные образования» (см. [Шведова 2002]).

Подробный экспериментальный фрагмент тезауруса(рассмотрены «символические» поля НАСЕКОМОЕ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КАМЕНЬ, ГРАНИЦА и др.), а также синоптическая часть, построенная на основе описанного, символьного, подхода представлены в [Ружицкий2015].В рамках данной работы в качестве примера соотнесения отдельно взятого слова, выделенного в СЯД в качестве идиоглоссы, с общей структурой тезауруса, возьмём слово ПОЖАР, на символическое значение

которого неоднократно указывалось исследователями творчества Достоевского [Топоров 1995; Чернова 1996]. В общем виде, пожар имеет в творчестве Достоевского два основных символических значения: общеязыковая символизация *пожара* как уничтожения (антитезы жизни) и присущая именно текстам Достоевского – символизация пожара как очищения. Первое из названных символических значений актуализируется в наиболее явном виде в романе «Бесы», а второе значение – в рассказе «Господин Прохарчин», а также в Эпilogue «Преступления и наказания» (см. [Чернова 1996]).

Представим некоторые из контекстов, на основе которых можно реконструировать фрагмент тезауруса Достоевского (нумерация страниц здесь и далее даётся по [Достоевский 1972–1990]).

Повечеру пришел первый писарь Судьбин и объявил, что след отыскан, что видел он беглеца на Толкучем и по другим местам, ходил за ним, близко стоял, но говорить не посмел, а был неподалеку от него и на **пожаре**, когда загорелся дом в Кривом переулке (Господин Прохарчин 246).

По временам Ордын думал, что всё это еще сон, даже был в этом уверен; но кровь ему бросилась в голову, и жилы напряженно, с болью, бились на висках его. Он выпустил гвоздь, встал с постели и, качаясь, пробираясь, как лунатик, сам не понимая своего побуждения, вспыхнувшего целым **пожаром** в крови его, подошел к хозяйским дверям и с силой толкнулся в них; ржавая задвижка отлетела разом, и он вдруг с шумом и треском очутился среди хозяйской спальни (Хозяйка 281) Завод, вверенный, кажется, управлению близкого и любимого родственника, тоже подвергся несчастной участи и сгорел, причем в пламени **пожара** погиб и сам его родственник. Согласитесь, потеря ужасная! Тогда Мурин, рассказывают, впал в плачевное уныние; стали опасаться за его рассудок (Хозяйка 286). Всё пламя, весь **пожар**, пламеневший в груди его, словно истлели и угасли в один миг и на один миг; он с смущением опустил глаза и боялся смотреть на нее (Хозяйка 303).

Мелькнула перед ним и фигура того старика с геморроидальным лицом, в ветхом, чем-то подпоясанном ватном халатишке, отлучившегося было еще до **пожара** в лавочку за сухарями и табаком своему жильцу и пробывавшегося теперь, с молочником и с четверкой в руках, сквозь толпу, до дома, где горели у него жена, дочка и тридцать с полтиною денег в углу под периной (Господин Прохарчин 250). Господин Прохарчин бежал, бежал, задыхался... рядом с ним бежало тоже чрезвычайно много людей, и все они побрякивали своими возмездиями в задних карманах своих кургузых фрачишек; наконец весь народ побежал, загремели пожарные трубы, и целые волны народа вынесли его почти на плечах на тот самый **пожар**, на котором он присутствовал в последний раз вместе с попрошайкой-пьянчужкой. (Господин Прохарчин 250) Тут уж нечего было останавливаться: Марк Иванович не вытерпел и, видя, что человек просто дал себе слово упорствовать, оскорбясь и рассердившись совсем, объявил напрямки и уже без сладких околичностей, что пора вставать, что лежать на двух боках нечего, что кричать днем и ночью о **пожарах**, золовках, пьянчужках, замках, сундуках и черт знает об чем еще — глупо, неприлично и оскорбительно для человека (Господин Прохарчин 251). Дети и пятаки, пятаки и дети вертелись на ее языке в непонятной, глубокой бессмыслице, от которой все отступились после тщетных усилий понять; но баба не унималась, всё кричала, выла, размахивала руками, не обращая, казалось, никакого внимания ни на **пожар**, на который занесло ее народом с улицы, ни на весь люд-людской, около нее бывший, ни на чужое несчастье, ни даже на головешки и искры, которые уже начали было пудрить весь около стоявший народ (Господин Прохарчин 252).

Не могу сказать; но меня интересует при этом другое обстоятельство, так сказать, целый вопрос. Не говорю уже о том, что преступления в низшем классе, в последние лет пять, увеличились; не говорю о повсеместных и непрерывных грабежах и **пожарах**; страннее всего то для меня, что преступления и в высших классах таким же образом увеличиваются и, так сказать, параллельно (Преступление и наказание 111). Много про **пожары** пишут... | Нет, я не про **пожары**. | Тут он загадочно посмотрел на Заметова; насмешливая улыбка опять искривила его губы. | Нет, я не про **пожары**, – продолжал он, подмигивая Заметову. | А сознайтесь, милый юноша, что вам ужасно хочется знать, про что я читал (Преступление и наказание 125). Сама бывшая хозяйка его, мать умершей невесты Раскольников, вдова Зарницына, засвидетельствовала тоже, что, когда они еще жили в другом доме, у Пяти углов, Раскольников во время **пожара**, ночью, вытащил из одной квартиры, уже загоревшейся, двух маленьких детей, и был при этом обожжен (Преступление и наказание 412).

В публичных каретах, в лавках, поймав хоть какого-нибудь слушателя, навела разговор на своего сына, на его статью, как он помогал студенту, был обожжен на **пожаре** и прочее. Дунечка даже не знала, как удержать ее. Уж кроме опасности такого восторженного, болезненного настроения, одно уже то грозило бедой, что кто-нибудь мог припомнить фамилию Раскольникова по бывшему судебному делу и заговорить об этом. Пульхерия Александровна узнала даже адрес матери двух спасенных от **пожара** малюток и хотела непременно отправиться к ней (Преступление и наказание 414). Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались **пожары**, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше (Преступление и наказание 420).

Конечно, всё может войти: курьезы, **пожары**, пожертвования, всякие добрые и дурные дела, всякие слова и речи, пожалуй, даже известия о разливах рек, пожалуй, даже и некоторые указы правительства, но изо всего выбирать только то, что рисует эпоху (Бесы 164). Всё лето свирепствовали по городам и селам **пожары**, а в народе всё сильнее и сильнее укоренялся глупый ропот о поджогах. Грабительство возросло вдвое против прежних размеров (Бесы 267). Заречье пылало. Правда, **пожар** только еще начался, но пылало в трех совершенно разных местах, – это-то и испугало. | – Поджог! (Бесы 392) [Хроникер] Большой огонь по ночам всегда производит впечатление раздражающее и веселящее <...>. Другое дело настоящий **пожар**: тут ужас и всё же как бы некоторое чувство личной опасности, при известном веселящем впечатлении ночного огня, производят в зрителе (разумеется, не в самом погоревшем обывателе) некоторое сотрясение мозга и как бы вызов к его собственным разрушительным инстинктам, которые, увы! таятся во всякой душе, даже в душе самого смиренного и семейного титулярного советника... (Бесы 394) [Шигалев П. Верховенскому] <...> каждая из действующих кучек, делая прозелитов и распространяясь боковыми отделениями в бесконечность, имеет в задаче систематическою обличительною пропагандой непрерывно ронять значение местной власти, произвести в селениях недоумение, зародить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего и, наконец, действуя **пожарами**, как средством народным по преимуществу, свергнуть страну, в предписанный момент, если надо, даже в отчаяние. Ваши ли это слова <...>? (Бесы 418) [Хроникер] Оказалось, что он [Лямшин] знал довольно и довольно хорошо поставил на вид дело: трагедия с Шатовым и Кирилловым, **пожар**, смерть Лебядкиных и пр. поступили на план второстепенный. На

первый план выступали Петр Степанович, тайное общество, организация, сеть. (Бесы 510).

В публицистике и письмах Достоевского (используется принятая в СЯД система сокращений):

Господин Скарятин («Русский листок», № 1) намекает даже на подметную литературу, на зарево **пожаров** и удивительно высоким слогом всё это расписывает. (pbc 61) **Пожарный** сезон! Разумеется, он наступил; не миновать же ему этот год. Между другими известиями, сообщаемыми в наши газеты, особенно характерно выдается известие в № 134 «Московских ведомостей» о **пожаре** в селе Измайлове, и не о **пожаре** собственно (**пожар** как **пожар**, везде бывают такие и много еще будет таких, по всей вероятности), но об особых обстоятельствах при этом **пожаре**. (pbd 142) Мистические идеи любят преследование, они им создаются. Каждая такая преследуемая мысль подобна тому самому петролею, которым обливали полы и стены Тюльеризажигатели перед **пожаром** и который, в свое время, лишь усилит **пожар** и в охраняемом здании. (db 36) [Из описания рассуждений воображаемого прокурора] Вспомните, как хорошо ему [преступнику] послужил **пожар** в соседней улице в минуту совершения им преступления, потому что **пожар**, произведя тревогу, отвлек к себе внимание и дворников и всего околота. (df 51)

[А.В. Корвин-Круковской] Одним словом, эта статья контракта совершенно походила на те статьи петербургских контрактов при найме квартир, где хозяин дома всегда требует, что если у жильца в его доме произойдет **пожар**, то должен этот жилец вознаградить все **пожарные** убытки и, если надо, выстроить дом заново. (ld 160) [Н.Н. Страхову о приверженцах западноевропейского социализма] Они желают счастья человека и остаются при определениях слова «счастье» Руссо, то есть на фантазии, не оправданной даже опытом. **Пожар** Парижа есть чудовищность: «Не удалось, так погибай мир, ибо коммуна выше счастья мира и Франции». (le 214) [А.Г. Достоевской] Кстати, ты боишься **пожаров**, а вот теперь могут узнать (по слухам из почты), что прибыло к тебе много денег, смотри, Аня, ночует ли у вас Фома или кто-нибудь? Это серьезнее **пожару**. В газетах только и читаешь, что по всей России убийства и грабежи. (lg 100)

В силу своей символической природы ПОЖАР будет иметь амбивалентное значение, которое, с учётом представленной в СЯД словарной статьи ПОЖАР и учёта пересечения ассоциативных полей в СЯДидиоглосс, можно представить следующим образом.

УНИЧТОЖЕНИЕ → БУНТ → **БОЛЕЗНЬ/СМЕРТЬ** → ОЧИЩЕНИЕ → **ЖИЗНЬ**

I.1. Пожар

I.1.1. Идиоглоссы:

ад, адский, анархизм, бежать, бездна, бес, бесы, бред, бредить, бунт, бунтовать, деньги, дети, жизнь, зловещий, младенец, ненавидеть, огонь, опасность, переулоч, пламя, погибнуть, революция, смерть, сон, тайна, убийство, умереть, человек.

I.1.3. Ассоциации: бежать, бояться, воспалённый, вспыхнуть, глаза, головёшка, грабёж, дети, дом, загореться, зажечь, зажигатели, зарево, здание, испугать, квартира, любить, любовь, малютка, мучение, несчастный, нигилизм, обожжен, обстоятельства, огненные глаза, огонь, петролей, погибать, погибнуть, поджог, подметная литература, отчаяние, полено, преступления, пылать, пьянство, развалины, сгореть, сезон, сердце, сжечь, сильный, смерть, спичка, тревога, убийство, убытки, угаснуть, участь.

А реконструируемый фрагмент синоптической части СЯД, на основе предложенной И.В. Ружицкого, может быть представлен следующим образом:

(Б) ЖИЗНЬ ↔ ВРЕМЯ<...>

Б. V. [начало – конец] заглухнуть, закончиться, начаться, покончить; окончательный, *пожар*, последний, прежний, твёрдый; полно, окончательно, твёрдо; начало, источник, конец, край, точка, черта

(В) ВРЕМЯ ↔ СМЕРТЬ<...>

В. II. 1. умереть (умирать), погибать (погибнуть); кровавый, мёртвый, смертный; бытие, гроб, могила, гибель, *пожар*, смерть, сон

В. II. 2. губить (погубить); война, гибель, дуэль, катастрофа

В заключение отметим, что предлагаемый авторами СЯД способ конструирования тезауруса Достоевского не является, безусловно, единственным возможным, однако основывается он на объективном многопараметровом лексикографическом анализе всего корпуса текстов писателя: с учётом ближних и дальних синтагматических связей, паратаксиста, ассоциативного окружения и когнитивного потенциала.

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РФФИ научных проектов (грант № 15-04-00135).

***

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
2. Караулов Ю.Н., Ружицкий И.В. От словаря языка писателя к познанию его мира: о некоторых базовых концептах в творчестве Ф.М. Достоевского // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4 (045). – С. 16–22.
3. Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. – М.: ЛЕКСПУС, 2015. – 543 с.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 3. – М.: Азбуковник, 2003. – 720 с.
5. СЯД 2008 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2008.
6. СЯД 2001 – Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2001. – Вып. I. – 442 с.
7. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс–Культура, 1995. – 624 с.
8. Чернова Н.В. «Господин Прохарчин»: Символика огня // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 13. – СПб.: Наука, 1996. С. 29–49.

Шокиров Ш.И.

Вопросы перевода с одного языка на другой лексем с семантикой «кўз» (глаз) в английском и узбекском языках

*Андижанский государственный университет
(Узбекистан)*

doi: 10.18411/spc-26-12-2017-05

idsp: 000001:spc-26-12-2017-05

Аннотация

В статье освещаются структурные и семантические свойства конститuentов лексико-семантического поля «глаз(а)» английского и узбекского языков.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексема, номинатив, коннотатив, ядро, периферия, план выражения, тематические группы.

Abstract

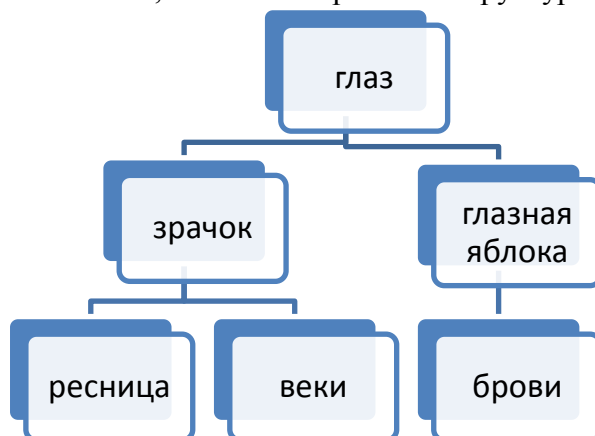
The article deals with the structural and semantic features of the constituent lexemes of the lexical-semantic fields of “eye” in modern English and Uzbek.

Key words: lexical-semantic field, lexeme, nominative connotative, centre, periphery, surface structure, thematic groups.

Сегодня, когда широко распространяются процессы глобализации, сильно растет потребность в деятельности практического перевода. Перевод и переводческая деятельность устанавливает сотрудничество между народами и усиливает задачу «моста» развития. И именно поэтому возросла необходимость улучшения качества переводимых произведений (текстов), потребность многоязычным словарям.

Основная цель практического перевода – передача смысла, значения и коммуникативной цели, выраженными иноязычными словами, на языке перевода. В этом процессе единицы перевода (транслатемы) [4., с. 194-196] считаются второстепенными. Одной из актуальных проблем современного перевода является не только подготовка кадров по художественному и нехудожественному переводу, но и требования учитывать стилевые, функциональные, асимметрические и семантические свойства лексических единств в процессе перевода, то есть наряду с такими видами лексических единиц, как прямое, переносное, непроизводное, производное, свободное, несвободное, номинативное и коннотативное, [2., с.50-51] изучение их психологических, региональных, исторических, географических и других свойств имеет немаловажное значение в решении поставленной задачи.

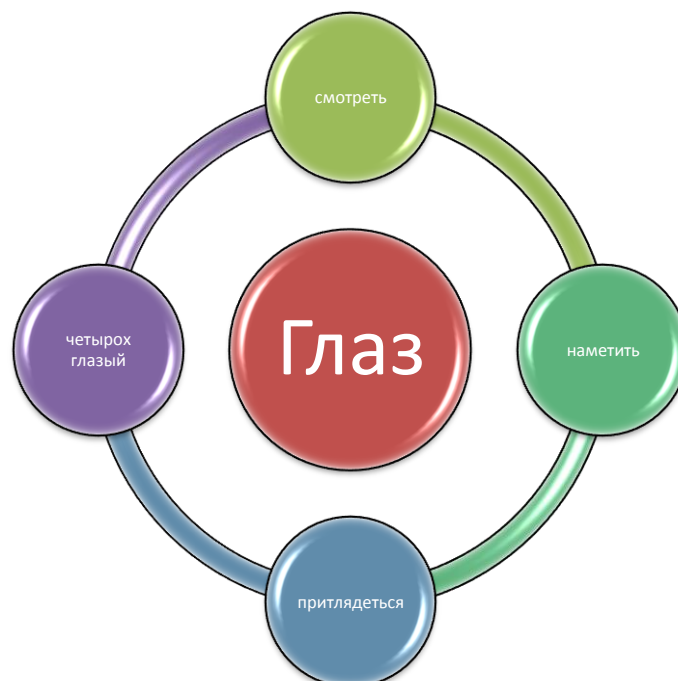
В этом смысле, при переводе конститuentов лексико-семантического поля слова «глаз» («кўз») с английского языка на узбекский существует ряд факторов, препятствующие полному и точному переводу. Они препятствуют полному и точному переводу. Когда говорим лексико-семантическое поле, то имеем в виду сложные лексические микротизмы. Эти микротизмы имеют свойственную им структуру, объединяет слова по смыслу. Одним из характерных свойств является место понятия центра и периферии, а также поле в виде иерархии, а именно размещение в виде ступеней. Субстантивы, имеющие эти малые семы в выражении семантического поля семы глаз; в основном это зрачок, ресницы, веки брови, глазное яблоко и находит в них свое выражение. Такие семы заметны в глаголах типа -кўрмоқ – видеть, қарамоқ – смотреть, қўзламоқ – высматривать, тикилмоқ – пристально смотреть, қўз тутмоқ – приглядеть, қўз уруштирмоқ – просмотреть, қўз юймоқ – закрыть глаза, қўзини олиб қочмоқ – прятать глаза, а также в сложных существительных узбекского языка қўк -қўз (синеглазый), турт-қўз (о человеке, который носит очки). Микрополя образующие конститuentы лексем «глаза», можно изобразить в структуре: 1-схема

Семантическое поле – с лексического аспекта имеют общую сему и отражают объективную реальность соответствует самым большим лексико-семантическим парадигмам группам различных слов. Функционально- семантическое поле – средства, принадлежащие к различным пластам языка (морфологические, синтаксические, средства словообразования, лексические), а также, это система общего характера, объединенного с

Семантическое поле объединяет вокруг своего центра (ядра), выявляющего значение, слова с обобщенным значением. В центре исследования значения слова и слова вбирающего в свое поле связаны друг с другом. Здесь обобщено семантическое поле и схожи словообразовательными средствами, но может включать схожи.

2-схема

Обычно как основной элемент поля выступают однозначные слова, а в некоторых случаях лексико-семантические варианты многозначных слов. В зависимости от выражаемого значения (семы), лексико-семантическое поле может включать в себе слова одной или нескольких частей речи. Например, «глаз» (сущ.субстанция), «кўрмоқ» (смотреть) – отглагольное существительное, «кўрмоқ, кўзламоқ» (видеть, присмотреть) – глагол, «кўз остига олмоқ», «назарташламоқ» - (предусмотреть, бросить взгляд) – фразеологические единства, «қора кўзлар», «кўк кўз», «ғилай кўз» (черные глаза, синие глаза, косые глаза) –определение, как и глагол «кўрмоқ» (видеть) в морфологическом отношении не привязывается к субстантиву, то в семантическом отношении они требуют постановки друг друга. [6., с.531-554]

Исследование генетически не связанных языков учёные-языковеды проводят с помощью инструментального и логического аппарата когнитивной лингвистики. Сюда можно отнести понятие «концепт».

Лексема – связь между словом и понятием, т. е. сигникативнаясвязь, смысл, выраженный в результате этой связи называется концептуальным смыслом и это понятие, являясь логической категорией, имеет важное значение в рациональном познании окружающего мира. [2., с.65-69]

Лексико-семантическое поле (ЛСП) и Лексико-семантическая группа(ЛСГ) не принадлежат к одной семантической системе. Лексико-семантическое поле в отличии от

лексико-семантической группы не имеет компонентов, отличающихся разными видами связи друг с другом.

Раскрытие сущности лексемы предполагает изучение изменения её семантики, исследование отношения с другими лексемами, анализ и классификация структуры лексического значения, выявление их синтагматики, т.е., возможности сочетания с другими лексемами. К ним можно отнести следующее:

1. Полисемантность и полифункциональность слова «кўз» (глаз);
2. существование синонимических, омонимических и антонимических отношений между членами парадигмы поля, без учёта особенностей их уровня значения;
3. широкое или ограниченное применения слов с семантикой слова «кўз» с исторической и географической точек зрения;
4. несуществование на языке перевода соответствующих в оригинале эквивалентов языковых единиц;
5. не учитывать в процессе перевода национальных, речевых, жизненных ситуаций и другие особенности.

В «Толковом словаре узбекского языка» и третьем новом международном словаре Вебстера (1993) слову глаз дается толкование на узбекском «тирикмавжудотнингкўриш аъзоси», на английском «the organ of sight» (орган зрения живых существ). Его другие значения – взгляд, взор, способность видеть и смотреть в английском языке имеют соответствующие эквиваленты: look, glance, gaze, sight, vision.

Слово «кўз» в отдельности, в словосочетаниях, в составе фразеологических сочетаний выражает прямое и переносное значение во всех трёх языках. Анализы показывают, что при переводе часть их имеют соответствующие эквиваленты, а у некоторых они отсутствуют.

Например, eyeball – кўз соқаси, глазное яблоко, eyebrow – кош, бровь, eyedrop – кўзга томизадиган дори, капли для глаз, eye-ful – ажойиб манзара, удивительная картина, очень красивая женщина, eyeless – кўзи кўр, без глаз, слепой, eye-opener – хайратланарли кўз, новость, очень удивившая человека, eye-tooth – сўйлоқ тиш, молочные зубы, to wink, to blink – кўз қисмоқ, учирмоқ, подмигнуть, моргать, iris – кўз гавхари, радужная оболочка.

Есть и словосочетания со словом «кўз» (глаз), большинство из которых переводится на сопоставляемых языках соответствующими словосочетаниями: to run/cast one's eye over smth – бирор нарсага тез оқиб, кўз югуртирип чикмоқ, (просмотреть быстро читая что-то), to give an eye to – кўз – қулоқ бўлиб турмоқ, ғамхорлик қилмоқ, эътибор бермоқ (быть внимательным, проявлять заботу, обращать внимание); to have an eye on smth – бир кўзи бирон нима болмоқ (одним глазом смотреть на что-то); in front of (before) sb's (very) eye – кимнидир кўз олдида (перед чьим-то глазами); to open (to close) one's eyes кўзини очмоқ (юммоқ) (открыть (закрыть) глаза). Как видно из примеров, словосочетания со словами «кўз» (глаз) при переводе на узбекский язык могут иметь несколько вариантов. Однако словосочетание to open sb's eyes – в определённой речевой ситуации могут обозначать быть внимательным совершение неверных поступков. Например, open your eyes boys! The examination term is at hand – кўзларингни очинглар, болалар! Имтихон даври яқинлашиб қолди! Откройте глаза, дети! Приближается время экзаменов!

Словосочетание in the public eye дословно переводится как халқ (одамлар) орасида тез-тез кўринмоқ (часто появляться на глазах людей). Однако будет точнее перевести быть на виду у людей (народа), быть известным, знаменитым. Есть и такие словосочетания, дословный перевод которых передаёт неверный смысл предложения.

Например, a black eye/to black sb's eye – қора кўз (кимнидир кўзини қорайтириб) деб эмас (чёрные глаза, а не чернить чью-то глаза) ё кўкарган кўз (кимнидир кўзини кўкартирмақ) (мушт билан зарба бериб) следует понимать в значении синяк от удара под глазом.

Сложное слово eye-opener является существительным и имеет полисемантические свойства. Его первое значение действительное удивление (her confusion was a real eye-opener), второе – ликёр или спиртные напитки, принимаемые с утра (one eye opener), третье – ежедневнопервая принимаемая наркотическая инъекция для лечения (Now it was so bad that she was up before down for an eye - opener). Нужно принять во внимание, что это выражение свойственно разговорному стилю английского языка.

Переводчик, не знающий значение многозначного слова в конкретной ситуации, в процессе перевода может допустить грубые ошибки. Например, сложное слово eye-proper, имеющее в своём составе proper–означает- “шиқ-шиқ тугма” “пистон” «пуговица», «кнопка». В сочетании со словом eye оно даёт значение: 1. Удивительный предмет (хайратга солмоқ) (what an eye proper story); 2. Красивая, прекрасная изящная, статная женщина (девушка) (чиройли, кўркам, гўзал, зебо) (Is not that foxy lady an eye-opener?).

Или сочетание «eye ball to eye ball», передовая значение лицом к лицу (face to face), при дословном переводе предстает как (кўз соққаси) «глазное яблоко». Поэтому предложение they approached each other eyeball to eyeball and frowned целесообразно переводить как: Они встали лицом к лицу и нахмурились (улар юзма-юз яқинлашдилар ва қовоқ солдилар).

Свойственные к разговорному стилю выражения «Mind your eye», «Take care! Look out» (Қара, Эҳтиёт бўл, кўзинга қара) Смотри, Будь осторожен, предупреждения, имеют значение быть внимательным. Сложное прилагательное «Blue-eyed» (голубоглазый- кўк кўзли) в зависимости от ситуации в разговорной речи переводится в двух вариантах: Blue-eyed man – кўк кўзли киши (голубоглазый человек) и Blue-eyed boy – эркатой, арзанда. (баловень, любимчик). Как видно из примеров при присоединении «blue eyed» к слову «boy» в конкретной разговорной ситуации приобретает второе значение.

A blue-eyed boy carried my luggage to my place.

Голубоглазый мальчик (мальчишка) отнес мой груз ко мне домой.

Кўк кўзли бола(кай) юкимни уйимга олиб келди.

He is the only son of his parents. He does not do anything at home. A blue eyed boy!

Он любимчик родителей и дома ничего не делает.

У ота-онасини арзандаси. У уйда хач нарса қилмайди.

Если сочетание слов «To catch someone's eye», свойственно неофициальной речи выражает значение привлечения внимания к себе, то выражение to see eye to eye–присоединяться к чьему-либо мнению (кимнидир фикрига тўла кўшилмоқ). (She and I see eye to eye on this matter). Словосочетание спредлогом «Up to the eyes in (work etc.)» выражает значение «быть занятым каким-либо делом», «окунуться в работу» “бир иш билан жуда бант бўлмоқ” “ишга кўмилмоқ” “бош қашигани вақти бўлмайдиган”! the farmers are up to the eyes in harvesting.

Сочетание «To keep an eye on», свойственно художественному стилю и имеет определенную выразительность. На узбекский язык оно переводится как «кўз-қулоқ бўлиб турмоқ, назорат қилиб турмоқ» (быть бдительным, контролировать).

В процессе анализа выяснено, что сложное слово на узбекском языке «кўзмунчоқ» переводится на английский посредством описания как «a black bead with a white dot attached to protect children from the evil eye», «an evil eye killing beads».

Если сочетание «The naked eye» на узбекский язык переводится не как «ялонғоч кўз» (голые глаза), а как «невооруженный глаз» (куролланмаган кўз), (только глазами человека без каких-либо приспособлений), то следует учесть, что «an eye for an eye» (a tooth for a tooth) переводится как «қонга-қон, жонга-жон» (кровь за кровь, жизнь за жизнь).

При определении значения лексических единиц со словом «кўз» (глаз) важную роль играют слова, сочетающиеся с данным словом. Например, «кўз юммоқ» в сочетании со словом «дунёдан» означает «казо қилмоқ» (скончаться), «ўлмоқ» (умереть) и переводится на английский язык как «to die», «to be no more», «to join the majority», «кўз ёрмоқ» - to give a birth, «to bear baby». Все вышеперечисленные лексемы свойственны разговорной речи.

Когда речь идет о стилистике перевода, то надо подчеркнуть, что переводчик должен знать, что «кўз духтири (глазной доктор) относится к разговорному стилю, «кўз шифокори» (глазной врач) – к художественному, а «офтальмолог» и «окулист» к научному.

В заключении хочется отметить, что выводы, сделанные в ходе анализа перевода узбекского слова «кўз» на английский язык, послужат улучшению качества перевода и внесут определенную ясность вопросам теории транслатологии.

***

1. Толковый словарь узбекского языка Т. 1-5. Ташкент, «Нац.энциклопедия Узбекистана», Государственное научное издательство, 2006, с.156-157.
2. Собиров А. Исследование на основе направления системы лексического уровня узбекского языка. - Т.: Маънавият, 2004, с.69.
3. Бутаев Ш. English-Uzbek, Uzbek-English Dictionary, «o'qituvchi NMIU, Tashkent 2003, с. 83-84.
4. Webster's third New International Dictionary. Копетапп, 1993, с. 416-417.
5. Хошимов Т.М. Simultaneous translation and factor of source language: in actual problems of modern translatology, Андижан, 2008, с. 416-417.
6. Вендлер З. О слове good// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика М. 1982, с. 531-554.

РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Галанин С.Ф.

Газетная реклама как исторический источник для изучения культурной жизни Казани второй половины XIX века

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Россия, Казань)*

doi: 10.18411/spc-26-12-2017-06

idsp: 000001:spc-26-12-2017-06

Казань в изучаемое время - крупный культурный центр. Культурная жизнь местного общества была весьма многообразной и деятельной. В газетной рекламе отразились культурные интересы местной публики, то, как она проводила свой досуг.

Практически любое культурно-зрелищное мероприятие нуждалось в рекламе. Наиболее часто используемым её видом являлись афиши, которые в обязательном порядке с утверждения цензуры издавались перед каждым представлением, концертом и затем отсылались в Главное управление по делам печати. Но применялась и реклама в газете, причём случалось, что это была та же афиша, лишь уменьшенная по формату. В большинстве случаев газетная реклама не является оригинальным источником, так как она часто лишь дублировала афиши, причём далеко не полностью. Случалось, афиши и газетные объявления полностью совпадали не только по содержанию, но и по композиции, оформлению. Газетная реклама выполняла ту же роль, что и афиши. Часто афиши, благодаря большим размерам, были подробнее, хотя случалось и наоборот. Во многих объявлениях о концертах, театральных представлениях сообщалось: “Подробности в афишах и программах”. Важная достоинство газетной рекламы в том, что она была более оперативной, чем афиши. Поэтому в ряде случаев именно через газеты уточнялась информация афиш: о сроках проведения культурных мероприятий, участниках, программах, ценах, сообщалось о переносе культурных мероприятий, о заменах в театральном репертуаре и т.п. В этом отношении газетная реклама является источником для конкретизации фактов казанской культурной жизни.

Газета, основную аудиторию которой составляла образованная часть общества, обладавшая достаточно развитыми культурными потребностями и имеющая материальные возможности для их удовлетворения, служила хорошим медиумом для рекламирования в области культуры.

Гастролёры, посещавшие Казань, нередко помещали объявления в местных газетах. Но всё-таки основным видом рекламы сферы культуры были афиши. Практически все события в культурной жизни города сопровождалось изданием солидных афиш и программ с большими текстами. Только настоящие знаменитости могли позволить себе быть лаконичными в рекламе.

В условиях богатства казанской культурной жизни, когда предложение часто превышало спрос, “большинство больших и маленьких торговцев удовольствиями предпринимали игру на понижение”, то есть шли на снижение цен, активно используя рекламу. Только в мае 1889 г. казанцам посредством газетной рекламы предлагались на выбор: концерты г-жи Менгер, спектакли малороссийской труппы г. Старицкого в городском театре, “блистательные оптико-физические сеансы” К.О. Краузе в летнем театре сада Соединённого собрания, оперетта в Панаевском саду, гулянья с музыкой в различных городских садах и многое другое. Газетная реклама становилась далеко не

лишней в борьбе за посетителя, зрителя, слушателя. “В “Панаевку” или в “Соединёнку” - вот своего рода “гамлетовский вопрос”, который с наступлением вечера задавал себе состоятельный казанский обыватель.

По предмету в рекламе культурно-зрелищных мероприятий можно выделить: 1) театральную; 2) концертную; 3) выставочную; 4) рекламу прочих зрелищ (цирк, различные аттракционы). Для них характерна сходная форма: сообщалось о мероприятии, месте и времени его проведения, цене билетов, основных участниках, использовались дополнительные средства привлечения публики в виде словесных или изобразительно призывов. Последние особенно примечательны. Они позволяют судить о том, опираясь на какие психологические мотивы, организаторы пытались заинтересовать публику. Часто интерес вызывался необычностью представления. Особенно это касается различных музеев, которые обычно демонстрировали свои диковинки в 1860-80-е гг. в павильоне на Николаевской площади.

Наиболее значимой по объёму из названных разновидностей в газетах была театральная реклама. Подтверждает то, что Казань являлась крупным театральным городом, ходатайство с просьбой о разрешении издавать в течение зимнего театрального сезона газету “Театр”, поданное в 1888 г. мировым судьёй третьего участка А.Н. Кремлёвым. “Театральные объявления и программы” должны были стать её важнейшим разделом. Проект, получив поддержку губернатора, не был утверждён Главным управлением по делам печати. Расклейщик афиш - одна из городских профессий, существовавшая в Казани. Но постепенно она вытеснялась именно газетной рекламой. Это подтверждает стихотворное обращение к подписчикам казанского афишера Вали Халитова в 1881 г.:

«Год от года тяжелее мне житьё здесь стало:
Господа весь хлеб отбили, да беда настала!
Там глядишь “листок немецкий”, здесь “листок биржевый”,
А затем - учёный барин с газетою новой!
Объявленья все забрали, тискают в газеты...»

Казанский театр является одним из старейших в России. Газетная реклама в виде уведомлений о текущих театральных представлениях даёт дополнительные сведения для воссоздания его репертуара. В театральных объявлениях обязательно указывались точное название пьесы и автор, часто - ведущие артисты. К исполнению на сцене допускались лишь “пьесы, поименованные в рассылаемых Главным управлением по делам печати алфавитных списках”, которые ежегодно дополнялись. Преобладали постановки лёгкого жанра: комедии, водевили, оперетты. Но ставились и оперы, и драматические пьесы. Нередко случалось, по сведениям печати, что они едва окупали себя или даже были убыточны. В течение многих лет (с 1867 г.) история городского театра связана с именем антрепренёра П.М. Медведева. Во время его второй антрепризы (1874-1880 гг.) на казанской сцене утверждается русская опера, потеснив не только драму, но даже и оперетту.

Как особую разновидность рекламы можно рассматривать рецензии. Благоприятный отзыв мог сделать многое в привлечении публики. Не зря посещение многих культурных мероприятий для газетных корреспондентов было бесплатным. Устроители таким образом хотели заручиться хорошей рекомендацией. Часто важным фактором в создании общественного мнения вокруг события культурной жизни посредством газетных публикаций являлись личные связи. Пресса, в том числе реклама на её страницах, является уникальным источником по истории казанского театра.

Однако, данная работа не предусматривает подробного её рассмотрения, так как она была предметом специального изучения. В данной диссертации даётся лишь общая характеристику информативных возможностей театральной рекламы как исторического источника и основных её приёмов. По её объёму можно судить о степени внимания газеты и общества к театру.

Концертная, выставочная и реклама других зрелищ и развлечений даёт возможность представить палитру культурных интересов и устремлений казанского общества. Она помогает выяснить его культурные запросы.

***

1. Кантор Г.М. Оперный театр в Казани дооктябрьского периода: Дисс. ... канд. искусствоведения. Л., 1972.
2. Концерт г. Болтермана // Казанские Губернские Ведомости. Неофиц. часть. 1870. 25 февраля. № 15. С. 105.
3. Национальный Архив Республики Татарстан. Фонд. 1. Оп. 3. Д. 245. 1866; Д. 8681. 1891. Л. 2-2 об; Д. 6472. 1884. Л. 8-8 об.; Д. 7584. 1888. Л. 1-3.
4. Обыватель С. Обывательская заметка. Наши летние увеселения вообще и малороссийские спектакли в особенности // Казанский Биржевой Листок. 1889. 1 июня. № 117. С. 3.
5. Панаевский сад // Казанский Биржевой Листок. 1889. 28 апреля. № 93. С. 2.
6. Театр и музыка // Казанский Биржевой Листок. 1889. 25 апреля. № 90. С. 2.
7. Халитов В. Стихи поздравительные. - Казань, 1876-1881.
8. Чудо природы! Девуцы великанши // Казанские Губернские Ведомости. Неофиц. часть. 1875. 3 сентября. № 68. С. 352.

Кузьмина С.Н.

Зооморфный код культуры в якутских сказках

*Институт языков и культуры народа Северо-Востока РФ ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К Аммосова»
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/spc-26-12-2017-07

idsp: 000001:spc-26-12-2017-07

Аннотация

Животные, играя символическую роль в мифологической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека, отражают опыт народа, говорящего на данном языке. Цель статьи – лингвокультурологический анализ зоонимов в якутских народных сказках, репрезентирующих этнокультурный код. При этом культурный компонент образа животного определяет ряд факторов: общепринятые факты о поведении животных, культурные обычаи, ссылки на мифы, легенды и сказки.

Ключевые слова: зооним, зооморфный код культуры, якутская сказка

Сказки содержат богатый материал для изучения народной культуры, истории, религиозных верований, традиций и быта народа. Как утверждает филолог-фольклорист, В.П. Аникин, «сказки о животных – это энциклопедия жизни народа» [1, с. 5].

Под понятием «код культуры» понимается «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, которая членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [3, с. 232]. Зооморфный код культуры является одним из базовых и отражает этнокультурные особенности, национально-культурную специфику и традиционный способ жизни народа. Зоонимы, играя символическую роль в

мифологической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека, отражают опыт народа, говорящего на данном языке. Цель данной статьи – лингвокультурологический анализ зоонимов в якутских народных сказках, репрезентирующих этнокультурный код.

Среди якутских сказок о животных большое место занимают так называемые этиологические сказки, в которых древние люди старались ответить на непонятные им вопросы, при помощи воображения, домысла, когда что-либо произошло, почему такой вид имеет то или иное животное, отчего птицы летают по воздуху, имеют различное по окраске повадки и т.д. В этих сказках мы видим довольно явственные мышления и верований. Этиологические сказки родственны мифам и для объяснения причин явлений природы. Таким образом, с развитием классовых отношений у якутов социальные мотивы протеста против угнетения, критика верхов раннеклассового общества проникают и в сказки о животных, имеющих древнее происхождение [46, с.12].

Якутские сказки о животных обычно по размеру небольшие. Их можно разделить на две группы: 1) сказки, в которых персонажами выступают только животные; 2) сказки, в которых персонажами являются животные и люди. Рассказываются они простым, ясным и метким языком. Сюжетом служит один случай, одно приключение, что обусловлю простоту развития действия и небольшой объем сказки. Героями являются животные, которых фантазия народа наделяет разумом, даром речи и поступками, сходными с человеческими [19, с.39].

Материалом для проведенного исследования послужили якутские сказки из раздела “Сказки о животных”, которые зафиксированы в книгах «Якутские народные сказки» (составители: В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухоплева), а также «Якутские сказки» (составитель Г.У. Эргис).

Самым распространенным зоонимом в якутских сказках является *лиса*. Приведем анализ наиболее частотных зоонимов.

1. **Лиса (Саһыл)** как и у всех народов, олицетворяет хитрость и коварство.

1) Но в якутских сказках, она ещё более коварна и зла. Например, лиса мочится на медвежьи кости, тем расторгает навсегда дружбу между медведем; помогает людям убивать своих; обводит вокруг пальца, шантажирует друзей, знакомых. У нее хватает наглости, чтобы второй-третий-четвертый раз обманывать: «Нөгүө күнүгэр саһыл эмиэ кэлэр. Ол кэлэн, эмиэ орут этэрин курдук этэн туран, биир оҕотун көрдүүр» – «На следующий день лиса опять пришла. Пришла и снова, как прежде, говорит, опять одного ее птенца просит» [2, с.112]. К тому же, своим обманом оставляет помирать всю семью хозяйки, у которой она жила. Поэтому её часто зовут: «Түөкүн!» – «Обманищица!» [2, с.114], «Саһылыкаан албын» – «Лисичка-обманищица» [2, с.138].

2) Думает, что она умнее всех, но и другие тоже: «Хара тыа киэнэ өйдөөбө санаалааҕа, бастын кылааннааҕа, кырдыаҕаһа...» – «Умница-разумница черного леса, лучшая из пушных зверей, старейшина...» [2, с.153]. Лиса позволяет себе иронично смеяться над другими: «Саһыл күлэн быар аҕай буолар» – «Лиса до колки в печени покатывается со смеху» [2, с.126], «Саһыл туран эһэни күлүү гынар» – «Лиса-то над медведем давай насмехаться» [2, с.110], «Саһыл олорон аата күлэр: Но, ноо!» – «Лиса сидит, смеется: Ну-ну...» [2, с.153].

3) Всегда хвастается и задирает свой нос: «Көрбөккүн дуо, эйиигин өлөргүттэн быһаатым уонна эн таҕас-танан хааллын» – «Вот видишь, я тебя спасла от смерти, теперь ты с одеждой. Мне же досталась пища» [2, с.155]. Даже в одной сказке, чтобы доказать свою правоту, обламывает свои передние зубы.

4) Лиса первым делом нападает всегда сама, но никогда не чувствует себя виноватой: «Түөрт сыммыттаах түөнэн кыыл, дьэ, хомуруо хонуугун хомуру ыстыам, сыа сыһыгын быһа ыстыам, саамнай үөккүн самнары тардыам суоҕа буоллар, биир сыммыккын түһэрэн кулу!» – «*Ну, птица Тюёнэн с четырьмя яйцами, если ты не хочешь, чтобы я твою сугробистую поляну сжевала, чтобы твою тучную долину сгрызла, чтобы твою старую склонившуюся иву свалила, сбрось-ка одно свое яйцо!*» [2, с.119]. Сказка заканчивается тем, как появилась еще одна порода лис из-за ее проделок: «Онтон саһыл куотан хаалар. Онтон кэрэмэс саһыл үөскээбит үһү, түүтэ хараарбытынан» – «*Лиса оттуда сбежала. После, говорят, пошли лисы-сиводушки с потемневшим мехом*» [2, с.117].

5) Лиса обладает мстительным характером. Мстит даже тем, которые просто попадают у нее на пути: «Чэ, бэрт киһи эн турар инигин? Түөт сыммыттаах кыылы субэлээн биир оҕотун сизэппэтин» – «*Ну, удалец, ты, верно, [сам] встанешь? Птице Тюёнэн с четырьмя яйцами посоветовал, не дал мне ее последнего птенца съесть*» [2, с.121]. Когда лиса просит помощи у других животных, а те не помогают, потому что знают, что ей верить нельзя, она проклинает всех негативными словами: «Харах Хаан аҕыс уон оҕуһа уугун супту уулааннар, балыгын атан өлөн хаалыахтын!» - дии-дии атаах балай кытыаланар» – «*Пусть восемьдесят быков Харах Хаана твою воду выпьют, и твоя рыба задохнется! — приговаривая, побежала, куда ноги несут*» [2, с.115]. И таким образом, становится понятно, почему у нее нет друзей.

6) Из-за своей хитрости лисе удается доминировать над другими животными и даже людьми: «Хайа, чэ, ити бөрөнү сүл, кытарарын миэхэ биэрээр манһабар. Тириитин бэйэн харай, чэ, туттуммаҕтаа!» – «*Ну же, давай, сними шкуру этого волка, мясо его в награду отдашь мне. Шкуру бери себе, ну же, поторапливайся!*» [2, с.153].

7) Во многих сказках, она не несет ответственности за свои поступки: «Онтон Тэллэй эмээхсин баайынан байан, тотун тотон, саһылыкаан албын күн бүгүнүгэр диэри олорбута эбитэ үһү» – «*Богатством старушки Тээллэй обогатившись, достатком ее, довольствуясь, лисичка-обманищица, говорят, до сегодняшнего дня жила, оказывается*» [2, с.142]. Но иногда получает и по заслугам: «Саһыл бөрө этин сизн эрдэбинэ, оҕонньор саһыл түөт атаҕны маһынан халбыһа биирдэ тосту охсон туһэрдэ» – «*И, когда лиса принялась есть мясо волка, старик, перебив палкой четыре ноги лисы, свалил ее насмерть*», «Ону оҕонньор кэтэбин аһыттан ылан баран, үөт-тараабынан таһыйар. Ол таһыйан өлөрө сыһар» – «*Старик схватил ее за загривок и стал бить ожигом. Так бил, что чуть не убил*» [2, с.154].

8) Но все-таки, в одной сказке лиса показывает себя с положительной стороны. Она делится со своим запасом на зиму с голодным медведем: «Оччоҕо миигин кытта бииргэ олорууй. Миэхэ ас баар ээ» – «*Живи тогда вместе со мной. У меня есть пища*» [4, с.26]. Тем не менее, лиса не донца добродетельна: предлагая это, она лукавит, так как боится остаться одной.

2. **Собака (Ыт)** в якутских сказках является самым преданным человеку животным. Происхождение собаки связывали с высшими силами и обожествляли само животное. Образ собаки в сказках народа саха имеет только положительный характер.

1) Собака, даже бывала у Бога ключницей, но из-за своего любопытства наказана Богом. Но смена хозяина для собаки даже к лучшему: «Көр бу икки харахтаах куттаммат, хоодуот буолар эбит. Күн анныгар баар кыыллартан бастыннара буоллаҕа. Хата, миигин танара үчүгэйгэ анаабыт. Танараҕа күлүүһүннүк буолан олоруох кэриэтин, куттаһа суох киһини кытта көнүл сылдыбыт ыраабынан ордук» – «*Смотри-ка, этот двуногий - бестрашный смельчак. Под солнцем он первый их всех зверей, оказывается. Бог-то меня к хорошему предназначил. Чем божьим ключником сидеть,*

уж лучше с бесстрашным человеком свободно ходить» [4, с.76]. Такой поступок собаки представляет ее свободолюбивой и своенравной.

2) Собака умная, в одной сказке говорится, что Бог: «Ыты мөлтөх күүстээх ол гынан баран, өйдөөх гына онорбут» – «Собаку сделал слабой, но умной» [4, с.77]. И своим острым умом спасает от смерти хозяев: «Ол курдук, өйдөөх ыт иччилэрин көһөрөн, баай уолаттарыгар кураанабы куустарбыт үһү» – «Вот так умная собака, переселив хозяев, оставила, говорят, байских сыновей с пустыми руками» [2, с.161].

3) По поверьям народа саха, собака оберегает душу ребенка от злых духов: «Былыр оҕолоругар сүрдээх түгүнэс өлүүлээх ыал баара. Ол ыал оҕолоругар ымыгы гынаары оҕону кытта миигин бииргэ ииппиттэрэ» – «В давние годы жила семья, у которой часто умирали дети. Та семья, сделав меня для своего ребенка ымыгы [хранителем], воспитывала меня вместе с ребенком» [2, с.149].

4) Собака всегда готова помогать своим хозяевам. Например, в одной сказке из-за непристойного поведения одной женщины, Бог решил отнять свой дар, данный людям – колос пшеницы. Тогда собака стала просить оставить его долю. И благодаря собаке, люди имеют возможность выращивать хлеб. Однако человек не всегда способен отблагодарить собаку за ее верную службу. В одной сказке собака совсем разочаровалась в людях: «Бу кырыйда-буорайда, аны туһатыттан ааста диэн аһаппсиэппэт буолан хаалла» – «Вот состарился-одряхлел, стал теперь бесполезным, — перестал поить-кормить» [2, с.148].

5) Образ собаки сравнивают с внешностью мудрого старца: «Элбэх хаары бараабыт, элбэх эрэи-буруйу көрбүт кырдыаҕас...» – «Много зим проживший, много горя-страданий видевший старик...», «Арай бу баран иһэн көрдөхтөрүнэ, суол устун кинилэргэ утары биир сүрдээх үтүө ыт танхайа кырдыбыта, баһын умсары тутан баран иһэр» – «По дороге навстречу им идет, повесив голову, очень почтенный, состарившийся пес» [2, с.148-149].

3. **Заяц (Куобах)** в якутских сказках, как у всех народов, описывается трусливым.

1) Заяц даже сам признается в этом. Думая, что он самый трусливый на свете, идет умирать: «“Туох хара накааһай! Бары миигин куттуулар! Суох, суох ол кэриэтин өлбүт ордук-ордук! Барамын сүргэ балай уубар түһэн өлүөм!”» – «“Что за наказание такое! Все меня пугают! Нет, нет, чем так жить лучше смерть, лучше смерть”» [4, с.51]. По дороге он встречает лягушку, лягушка кричит: «Оо, айабын, куобах баҕайы сиэри иһэр» – «Ой, горе мне, страшный заяц скачет, чтобы съест меня» [4, с.51]. Услышав это, заяц сразу меняет свое решение умирать и возвращается счастливым.

2) Также заяц показан глупым. Это подтверждается тем, как изменилась его внешность, что в очень давние времена, заяц имел длинный пушистый хвост как у белки: «Дьон санаан хаста да ытан көрбүттэрэ да куобах кутуругунан саптан биэрбит, ону буулдьа кыайан хоппотох. Кутурук эрэ көмөтүнэн тыыннаах ордон сылдыбыт» – «В зайца несколько раз стреляли, но он прикрывался хвостом, и пуля не могла пробить мех хвоста. Благодаря хвосту заяц оставался живым» [4, с.52]. Но из-за своей глупости, остается с коротким нынешним хвостом.

3) Заяц часто лжет, что показывает его с плохой стороны. Он крадет у Бога калачики и съедает. Но когда Бог спрашивает, заяц отрицает и заявляет, что: «Эн халаачыккын уоран сиэбит буоллахпына, сибилегин испиттэн эн халаачыктарын төкүнүһэ түстүһүнэр» – «Если я съел твои калачики, то пусть сейчас же из моего живота посыпятся твои круглые калачики» [4, с.53]. За ложную клятву Бог наказал зайца: с тех пор его помет превратился в кругляшки, похожие на калачики.

4. **Лошадь, жеребец (Ат)** в якутских сказках имеет много образов.

1) В культуре саха лошадь – божественное животное, которого почитают и животные, и люди: «Дьөһөбөйүм оҕото» – «Истинное дитя Джэсёгёя» [2, с.151].

2) Еще встречается лошадь, которая разочаровалась в людях, она считает их неблагодарными: «Сөпкө этэр, икки атахтаах түөрт атахтаах үтүөтүн билбэт» – «Правильно говорит, что двуногий не признаёт добра четвероногого», «Оннообор бу мин онгорбут үтүөбун иччим билбэтэбэ» – «Даже вот сделанного мною добра мой хозяин не признал» [2, с.150-151].

3) Также лошадь в якутских сказках описана грубой, дерзкой. Например, вместо того, чтобы спросить у Бога, почему тот выбрал ответ быка, он: «Онтон кыһыран атыыр туран атыыр оҕуһу муннуга тэппит – илин тиһин көтүрү тэппит» – «Из-за этого жеребец рассердился и лягнул быка-пороза в нос — верхние зубы ему выбил» [2, с.133].

4) Вдобавок, лошадь бывает глупой: «Ат сөбүлүүр хонуутугар соботох бэйэтэ мэччийиэн баҕарар. Ол гынан баран табаны хайдах үүрэрин билбэт» – «Лошадь хотела пасться на облюбованной поляне одна. Но как прогнать оленя, он не знала» [4, с.11]. Тогда она обратилась за помощью к человеку, тот сказал, чтобы прогнать оленя, можно надеть на лошади уздечку и сесть верхом. Таким образом, лошадь из-за своей жадности распрощалась с вольной жизнью и служит человеку по сей день.

5. **Медведь (Эһэ)** в якутских сказках предстает в равном количестве и умным, и глупым.

1) Он опытный и мудрый: «Эн кыһын ханна да барыма. Суолгун көрөн, сонордоон кэлэн өлөрүөхтэрэ» – «Ты зимой никуда не ходи. Увидят твои следы — по следам придут и убьют» [2, с.108].

2) Но в некоторых сказках медведь, показывает себя с отрицательной стороны. Например, вместо того, чтобы решить дело мирным путем, он применяет силу: «Ол аайы эһэ уордайдан, саһылы өлөрбөт эрэ, таһыйан» – «На это медведь каждый раз гневается, чуть не до смерти лису избивает» [2, с.109].

3) Он никого не боится, даже людей: «Пахай, икки атахтаах бэлэм ас буоллаҕа дии» – «Пахай (Фу!) двуногий-то – готовая пища для меня» [4, с.26], «Туора харабы бултааһын туох улахан дьыала үһүнүй» – «Разве охота на поперечноглазых (людей) такое уж большое дело?» [2, с.110]. Потому что, в одной сказке медведь говорит интересный факт: «Туора харах мир уруум эбээт. Аан маннай мин туора харах этим, онтон эһэ буолбутум» – «Поперечноглазый ведь мой родственник. Вначале я был поперечноглазым, потом стал медведем» [2, с.111]. По поверьям народа саха, медведь почитается как тотемное животное. Считается, что, когда в тайге неожиданно встречаешься с медведем, нужно раздеться и тем самым спастись. Без меховой шубы выглядит как человек, и поэтому медведь не станет трогать «своего». Но во всех сказках из-за своего безрассудного бесстрашия попадаетея и погибает от рук человека.

Таким образом, зоонимы, выражают некие качества, свойственные скорее человеку, нежели животному. Кроме общепринятого значения, они обладают еще и дополнительным значением, наделенным этнокультурным смыслом.

***

1. Аникин В.П. Русские народные сказки. М.: Пресса, 1998. – 176 с.
2. Илларионов В.В., Дьяконова Ю.Н., Мухоплева С.Д. и др. Якутские народные сказки — Новосибирск: Наука, 2008. – 462 с.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Эргис Г.У. Якутские сказки. / Художники: А.Е. Евстафьев, М.В. Ханды. – Якутск, Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 376 с.

Шильникова О.Г.

Региональная литературная журналистика в актуальном научном дискурсе

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/spc-26-12-2017-08

idsp: 000001:spc-26-12-2017-08

С середины 1990-х годов в общественном сознании и в научном сообществе произошло значительное усиление интереса к тем трансформациям в социальной и духовно-нравственной сферах, которые происходили в регионах нашей огромной страны. Началось активное осмысление уникальных черт, свойственных самым разным сторонам российской глубинки.

Причины столь пристального внимания к периферии философы и культурологи объясняли так: «Радикальные изменения в России после 1991 года, связанные с демократизацией и активизацией общественного сознания в регионах, несомненно, явились стимулом всплеска в последнем десятилетии XX века продуктивного научного интереса к культуре, в специфическом хронотопе которой пребывает большинство россиян» [4, с. 4]. Многим в то время казалось, что идеологема об единстве и однородности культурного поля России разрушилась и даже что региональная журналистика и литература начинают все больше конкурировать со столичными. Был назван и более прагматический повод для внезапно обострившейся тяги периферии к культурной самоидентификации. «Интерес к русской литературной провинции особенно возрос в период возникновения в России рыночных отношений, давших возможность относительно доступной публикации результатов творческого труда» [8, с. 333]. В области практической журналистики тенденции к локализации и созданию своеобразных региональных медиацентров по территориально-географическому признаку проявились еще раньше. Исследователи СМИ связывали эти процессы с децентрализацией государственных и частных информационно-пропагандистских монополий, что вкупе с вовлечением страны в общие процессы демократизации сделало актуальной задачу «удовлетворения информационных потребностей все более дифференцирующихся локальных групп, аудиторных образований» [6, с. 64].

В начале XXI века значительно активизировалась работа краеведов различных областей России. В 2007 году были организованы Первые Всероссийские краеведческие чтения «История и перспективы развития краеведения и москвоведения» (РГГУ). Мероприятие стало ежегодным. В мае 2015 прошли уже Девятые Всероссийские краеведческие чтения, приуроченные к юбилею председателя Союза краеведов России С.О. Шмидта.

За прошедшее десятилетие сформировались региональные научные центры, организующие систематические и многосторонние исследования, связанные с изучением разных сторон культурной жизни регионов. Трудно не согласиться с проф. Н.М. Инюшкиным, объясняющим природу и глубокую закономерность появления не только собственно «культурных гнезд» (Н.К. Пиксанов), но и самодостаточных научных центров по их комплексному описанию «пространственной мощью российской земли», которая и «порождает сложность архитектурной центропериферийных отношений и их "содержаний", диктует, необходимо требует развития опор, системы провинциальных центров. Пространство разъединяет единую периферию, порождает неизбежность определенной региональной самодостаточности, самооценности, своеобразия, самобытности, уникальности» [4, с. 22].

Результаты проведенных на местах исследований регулярно обсуждаются на научных конференциях и симпозиумах филологического и культурологического, журналистского профиля.

Самарские ученые сосредоточились на изучении психологических особенностей и на исторической динамике провинциальной ментальности, что нашло отражение в тематике проводимых конференций: «Мифы провинциальной культуры» (1992), «Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем» (1994, 1997, 1999, 2004).

В Пензе сложилась собственная культурологическая научная школа, рассматривающая философские, методологические и прикладные аспекты региональной культурологии и активно изучающая пензенскую культурную сферу в исторической ретроспективе и в современном ее варианте. Значительных успехов достигли исследователи в описании местной литературной составляющей в соотношении с общенациональным литературным процессом России.

В Нижнем Новгороде силами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Центра литературного краеведения и Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки в марте 2015 года прошла уже XI Всероссийская научная конференция с международным участием «Жизнь провинции: история и современность». За последние годы Нижний Новгород стал мощным центром по исследованию и обобщению опыта изучения творчества провинциальных авторов в широких хронологических границах XIX – XXI веков. На нижегородских научных форумах рассматриваются современный региональный литературный процесс в междисциплинарном контексте и методы его изучения, социокультурные факторы, влияющие на формирование литературного пространства региона, вопросы репрезентации провинции и «провинциального текста» в литературе и искусстве, провинциальная пресса и цензура.

Активную и плодотворную деятельность развернули Институт археологии Уральского отделения РАН и объединенный музей писателей Урала. В 2015 году итоги этой работы были подведены на VIII Всероссийской научной конференции «Литература Урала: история и современность», посвященной теме «Специфика литературности: этнокультурный и национальный аспекты». Диапазон рассматриваемых вопросов был очень широк и касался вопросов взаимодействия художественного и документального начал в словесности региона, специфики художественности и типов ее воплощения в творчестве местных авторов, способов репрезентации этнонационального дискурса в литературе и фольклоре, поэтических миров и мифов культурного ландшафта Урала.

Накопленный опыт обобщается в диссертациях, монографиях, статьях, в практико-ориентированных и справочных изданиях – словарях, библиографических указателях, а также в краеведческих энциклопедиях, где определенное место отводится литературно-краеведческим материалам.

Приведенные факты свидетельствуют об эффективности усилий научного сообщества по освоению богатейшего литературного наследия российских регионов и подтверждают аксиому, артикулированную философами: «Симптом Провинции – самоосмысление типа краеведения, что характерно и для научных дисциплин – Провинций научного пространства и, по-видимому, сфер культуры. Самоопределение Провинции носит прежде всего качественный, достаточно интенсивный характер. Провинция определяет себя скорее в смысловых и качественных категориях, нежели во властно-универсализующих (как центр) или отличительных (как периферия); для Провинции важно отношение к себе самой; Провинции интересно не только другое, Провинция интересна не только Другим – она и сама себе интересна»[5, с. 203].

Показательно, что все чаще на конференциях полилитературной регионалистике предметом выступлений становится не только художественный процесс, но и региональная печать, которая берется не в качестве иллюстративного материала или источниковедческой базы, а как самостоятельный предмет исследования. Как правило, дело пока ограничивается изучением отдельных местных газет и журналов

литературного и культурологического профиля без дифференциации их по типологическим характеристикам, без акцента на специфически региональных параметрах литературно-художественных изданий и обусловленных этим обстоятельством особенностях. Иначе говоря, филологи и краеведы не слишком активно и охотно обращаются к истории и теории журналистики, чтобы сформулировать новый междисциплинарный взгляд на феномен литературно-художественных изданий, являющихся участником медийных, литературных, социокультурных процессов одновременно.

В журналистской науке последних десятилетий также очень заметен разворот к региональной проблематике, которая стала предметом обсуждения, часто дискуссионного, в научном журналистском сообществе.

Знаменательно, что на крупных научных международных форумах все чаще предлагается рассмотреть журналистику в ракурсе, который более двадцати лет назад был предложен и теоретически обоснован профессором В.Б. Смирновым, а именно: о взаимоотношении литературы и журналистики и необходимости специальных исследовательских технологий, способных учитывать двойную природу литературно-художественной прессы.

В 2014 г. на ежегодной Международной конференции, проводимой факультетом журналистики МГУ, региональную журналистику обсуждали в самых разных аспектах. В частности, большое внимание уделялось таким проблемам, как «Русская провинция в литературе и журналистике XVIII – начала XX веков», «Культурная жизнь регионов и современное медиапространство», «Творческий потенциал региональной журналистики», «Культура как ресурс развития региона», объективное и полное освещение которых невозможно без обращения к опыту местных литературно-художественных и культурологических изданий.

В Пензенском государственном университете в 2015 году прошла III международная конференция «Ценностные ориентиры современной журналистики». В ее рамках работала секция «Литература и журналистика: тенденции взаимодействия», где рассматривались проблемы интерпретации журналистами произведений художественной литературы, особенности содержания современных «толстых» журналов, популяризация в СМИ культуры чтения.

Санкт-Петербургский государственный университет (Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций») в рамках Международного научного форума «Медиа в современном мире. 55-е Петербургские чтения» (2016) пригласил принять участие в панельной дискуссии «Этические и эстетические концепции в истории журналистики» с целью обсуждения вопросов эволюции литературной и культуроориентированной журналистики, проблемы влияния литературных форматов на становление журналистских жанров и типов изданий.

Литература Нижневолжского региона лишь в последней трети XX века стала объектом системного научного осмысления. Во многом это произошло благодаря интенсивной литературно-критической, научной, организаторской деятельности профессора Волгоградского университета В.Б. Смирнова. В этот период был опубликован ряд книг и диссертаций, посвященных различным аспектам творчества царицынских – сталинградских – волгоградских авторов, а также энциклопедическое по охвату материала и широте хронологической амплитуды исследование В.Б. Смирнова об истории писательской организации Царицына – Сталинграда – Волгограда [7].

Определенный вклад в решение данной проблемы вносит исследование литературной журналистики Волгоградского региона, выполненное в 2015–2016 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области преподавателями кафедры журналистики и медиакоммуникаций Волгоградского государственного университета с привлечением ведущих специалистов Москвы и Санкт-Петербурга. Результаты

исследования, временные границы которого охватывают период конца XIX–начала XXI вв., отражены в коллективной монографии «Литературная журналистика как ресурс формирования социокультурного пространства региона (на материале Волгоградских СМИ)» (Волгоград, 2015). В книге, представлены опыты историко-типологического и контекстуального анализа периодических изданий литературно-художественного и культурологического профиля Волгоградского региона, намечены узловые моменты методологии и технологии исследования литературной журналистики [10].

В 2012 году Воронежский университет совместно с Академией наук региональной печати России выступили с инициативой создания «Энциклопедии региональной печати». Идею поддержали авторитетные специалисты по региональной журналистике [1, 2, 3, 9]. Е.В. Ахмадулин, Б.И. Есин, Г.В. Жирков, В.В. Тулупов подчеркнули, что в науке уже накоплен солидный теоретический и эмпирический материал по истории печати разных регионов России – Дона, Кубани, Ставрополя, Воронежского края, Черноземного центра страны, Татарстана, Башкирии, Урала, Сибири, Дальнего Востока. К списку следует добавить появившиеся в последние годы работы по журналистике Вятской губернии XVII – начала XX вв., Поволжского региона в целом, пермской и Нижегородской прессы, изданиям Нижнего Поволжья, в том числе Волгоградского региона. Несмотря на указанные в выступлениях ученых исследовательские лакуны, имеющийся в науке задел позволяет, по мнению Е.В. Ахмадулина, ставить вопрос о создании фундаментального многопланового труда, посвященного региональной прессе, уже в практической плоскости.

Представляется, что провинциальные издания литературно-художественного и культурологического профиля, при условии системного изучения литературной журналистики регионов, могли бы стать законной частью такой энциклопедии.

Таким образом, в актуальном научном дискурсе региональная литературная журналистика начинает обретать статус самостоятельной исследовательской междисциплинарной области. Идет процесс определения границ ее компетентности, линий взаимодействия со смежными гуманитарными сферами знаний – регионоведением, культурологией, краеведением, историей литературы, провинциологией, историей и теорией журналистики. Разрабатываются общие подходы и принципы ее осмысления, а также технология анализа эмпирического материала.

***

1. Ахмадулин Е.В. Итоги и задачи изучения местной и национальной прессы (проблемы подготовки «Энциклопедии региональной печати» // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. – Воронеж. – 2012. – Вып. 1 – 2. – С. 6–9.
2. Есин Б.И. Идею энциклопедии региональной печати поддерживаю // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. – Воронеж. – 2012. – Вып. 3 – 4. – С. 20–21.
3. Жирков Г.В. Энциклопедия региональной печати: методологические, методические и организационные подходы // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. – Воронеж. – 2012. – Вып. 5 – 6. – С. 5–13.
4. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза : ОАО ИПК Пензенская правда, 2004. – 439 с.
5. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
6. Корнилов Е.А. Журналистика на рубеже тысячелетий. – Ростов н/Д. : Издательство Ростовского ун-та, 1999. – 222 с.
7. Смирнов В.Б. По следам времени. Из истории писательской организации писательской организации Царицына. – Волгоград: Комитет по печати, 1996. – 528 с.
8. Смирнов В.Б. Царицын как культурное гнездо Нижнего Поволжья // Стрежень: Научный ежегодник / под ред. М.М. Загоруйко. Вып. 4. – Волгоград: Издатель, 2004. – С. 330–336.
9. Тулупов В.В. Региональная пресса: характер трансформации в переходный период // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. – 2003. – № 2. – С. 32–42.
10. Шильникова О.Г. Принципы и технология изучения региональной литературной периодики / Литературная журналистика как ресурс формирования социокультурного пространства региона (на материале Волгоградских СМИ) / под. ред. О.Г. Шильниковой. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2015. – С. 70–86.

SCIENCEPUBLIC

Научное издание

Научный диалог:
Филология, Культурология, Искусствоведение

Сборник научных трудов, по материалам
IX международной научно-практической конференции
26 декабря 2017 г.

SPLN 001-000001-0229-FF

Подписано в печать 01.01.2018. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.2,07
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович